

КАРЛОС КАСТАНЕДА

• УЧЕНИЕ ДОНА ХУАНА •
• ОТДЕЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ •

Карлос Кастанеда, самый таинственный, самый знаменитый автор второй половины XX века, сдвинувший точку сборки всего человечества.

Первая книга — это еще не «настоящий» Кастанеда, ибо молодой антрополог пока не может принять магический мир своего учителя дона Хуана и пытается писать "научный обзор" происходящих вокруг него невероятных событий. Но здесь начинается величайшая духовная одиссея современности.

А Ты, читатель, будь осторожен! Даже если Ты станешь читать 11 книг Кастанеды всего лишь как увлекательные магические истории, считая их чистой выдумкой, Ты уже никогда не будешь смотреть на мир прежними глазами.

Реальность индейских магов и их союзников так опасна для привычной системы восприятия, что Карлос, антрополог из Лос-Анджелеса, написав свою первую книгу, пытается сбежать от нее навсегда. Но Сила решает иначе: через два года он вернулся — и начался новый цикл обучения.

"Отдельная реальность", как и первая книга, — описание опыта, которого он еще не понимает. Читатель, послушай добрый совет: для более точного восприятия учения Толтеков начни знакомство с ним с третьей книги, "Путешествие в Икстлан", и лишь потом вернись к первым двум, ибо было бы слишком грустно, с одной стороны, испугаться неточного описания Пути и отбросить его, с другой — не ознакомиться с теми важнейшими положениями Учения, которые попали именно в первые две книги.

Введение

Десять лет назад мне посчастливилось познакомиться с индейцем племени яки из северо-западной Мексики. Я называл его «дон Хуан». В испанском языке обращение «дон» выражает уважение. Мое знакомство с доном Хуаном произошло при обстоятельствах, в общем-то, случайных. Мы с моим приятелем Биллом сидели на автобусной остановке пограничного городка в Аризоне. Мы молчали. Была вторая половина дня, и летняя жара казалась просто нестерпимой. Вдруг Билл наклонился и тронул меня за плечо.

— Смотри, вот человек, о котором я тебе говорил, — шепотом произнес он и многозначительно кивнул в сторону входа. Я проследил за его взглядом и увидел старика, только что вошедшего в помещение станции.

— Что ты мне о нем говорил? — спросил я.

— Это тот самый индеец, помнишь? Который разбирается в пейоте.

Я вспомнил. Однажды мы с Биллом целый день мотались на машине в поисках «эксцентричного» мексиканского индейца, который якобы жил где-то неподалеку. Тогда мы так и не нашли его, причем мне казалось, что местные индейцы, которых мы расспрашивали, попросту водили нас за нос. Билл рассказывал, что этот человек — «йерберо», так в Мексике называют собирателей и продавцов лекарственных растений, и что он очень много знает о галлюциногенном кактусе пейоте. Дело в том, что я в то время занимался сбором информации о лекарственных растениях, используемых индейцами Юго-Запада США, а Билл исполнял роль моего гида, так как неплохо знал те места.

Билл поднялся, подошел к старику и поздоровался. Индеец был среднего роста. Его седые короткие волосы слегка прикрывали уши, как бы подчеркивая округлость головы. Множество глубоких резких морщин на очень смуглом лице говорило о преклонном возрасте. Однако тело индейца выглядело подтянутым и хорошо тренированным. Некоторое время я наблюдал за ним. Меня изумила легкость его движений — она никак не вязалась с его возрастом. Билл знаком подозвал меня.

— Он славный парень, однако понять я ничего не могу, — сказал мой приятель, когда я подошел. — Такое впечатление, что его испанский здорово исковеркан и полон деревенского сленга.

Старик взглянул на Билла и улыбнулся. А Билл, который знал по-испански всего несколько слов, соорудил какую-то совершенно бредовую фразу. Он с надеждой посмотрел на меня, как бы спрашивая, имеет ли сказанное им хоть какой-то смысл, но я так и не понял, что он хотел сказать. Билл смущенно улыбнулся и отошел. Старик посмотрел на меня и засмеялся. Я объяснил, что мой приятель иногда забывает, что не говорит по-испански.

— Кажется, он к тому же забыл нас познакомить, — заметил я и представился.

— А я — Хуан Матус, к вашим услугам, — сказал старик.

Мы пожали друг другу руки и некоторое время молчали. Я первым нарушил молчание и стал рассказывать о своей работе. Я говорил, что интересуюсь любого рода информацией о растениях, в особенности о пейоте, и что уже довольно много знаю в этой области. По правде говоря, я был во всем этом полнейшим невеждой, особенно в части, касающейся пейота. Но мне почему-то казалось, что чем больше я буду хвастать, тем с большим уважением он станет ко мне относиться. Однако старик молчал, терпеливо слушая чушь, которую я нес. Затем он медленно кивнул и посмотрел мне в глаза. Я запнулся на полуслове. Его глаза сияли собственным светом. На мгновение я почувствовал, что он видит меня насквозь. Мне стало не по себе, и я отвел взгляд.

— Лучше заходи как-нибудь ко мне домой, — сказал он наконец. — Возможно, там проще будет разговаривать.

Произошла некоторая заминка. Я не знал, что ответить, и чувствовал себя не в своей тарелке. Вскоре вернулся Билл. Он, видимо, почувствовал мое состояние, но не сказал ни слова. Какое-то время все напряженно молчали. Затем старик поднялся — подошел его автобус. Он попрощался и вышел.

— Что, не вышло? — спросил Билл.

— Нет. — А ты спрашивал его насчет растений?

— Спрашивал. Но, похоже, сваял дурака.

— Я же тебя предупреждал, что он очень странный. Местные индейцы его знают, но никогда о нем не говорят. А это что-нибудь да значит.

— Тем не менее, он пригласил меня к себе домой.

— Он надувает тебя. Конечно, ты можешь приехать к нему домой, а дальше что? Он никогда тебе ничего не скажет. А если ты начнешь его расспрашивать, он посмеется над тобой, как над идиотом, несущим околесицу.

Билл убежденно сказал, что уже сталкивался с подобными людьми, которые поначалу производят впечатление очень знающих. Однако на них не стоит тратить время, считал он, потому что в конце концов оказывается, что ту же информацию можно получить от кого-то другого, кто не строит из себя недоступного. Лично у него, добавил Билл, нет ни времени, ни терпения разбираться в старческих причудах, и что старик скорее всего просто пускает пыль в глаза, а на деле знает о травах не больше любого другого.

Билли говорил что-то еще, но я не слушал. Мои мысли все еще были заняты старым индейцем. Он знал, что я блефую. Я помнил его глаза. Они действительно сияли. Я приехал к нему через пару месяцев, но уже не столько как студент-антрополог, интересующийся лекарственными растениями, сколько как человек, охваченный неизъяснимым любопытством. То, как он тогда взглянул на меня на автостанции, было беспрецедентным явлением в моей жизни, и желание знать, что крылось за этим взглядом, стало для меня чуть ли не навязчивой идеей. И чем больше я думал, тем более необычный смысл все это приобретало.

Мы с доном Хуаном подружились, и в течение года я приезжал к нему множество раз. Вел он себя очень уверенно и обладал превосходным чувством юмора. Но во всем, что он делал, чувствовался какой-то скрытый смысл, неизменно от меня ускользавший. В его присутствии меня охватывало ощущение странного удовольствия, и вместе с тем — не менее странного беспокойства. Он мог не делать ничего особенного, но даже просто находясь рядом с ним, я неизбежно вовлекался в фундаментальную переоценку всех своих моделей поведения. Вследствие воспитания я, как и любой другой, был склонен рассматривать человека как существо по сути своей слабое и подверженное ошибкам. В доне Хуане поразило то, что он ни в коей мере не производил такого впечатления. Более того, находясь в его обществе, я не мог не сравнивать его образ жизни со своим. И сравнение это всегда оказывалось отнюдь не в мою пользу. Пожалуй, более всего в тот период наших отношений меня поразило одно его заявление о нашем внутреннем принципиальном отличии. Однажды я ехал к дону Хуану, чувствуя себя глубоко несчастным. Вся моя жизнь тогда складывалась как-то не так, и на меня постоянно давил груз целого ряда внутренних психологических конфликтов и неувязок. Подъезжая к его дому, я чувствовал подавленность и раздражение.

Мы беседовали о моем интересе к знанию, но, как обычно, подходили к вопросу с разных сторон. Я имел в виду академическое знание, основанное на передаче чужого опыта, а он — прямое знание мира.

— Ты что-нибудь знаешь об окружающем тебя мире? — спросил он.

— Ну, я знаю многое... — Нет, я имею в виду другое. Ты когда-нибудь ощущаешь мир вокруг себя?

— Насколько могу.

— Этого недостаточно. Необходимо чувствовать все, иначе мир теряет смысл.

Я привел классический довод — что не обязательно пробовать суп, если хочешь узнать его рецепт, и вовсе уж ни к чему совать пальцы в розетку, чтобы познакомиться с электричеством.

— Ты заставляешь это звучать глупо, — сказал дон Хуан, — Насколько я понимаю, ты намерен цепляться за свои доводы, хотя они ничего тебе не дают. Ты хочешь остаться прежним даже ценой своего благополучия.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Я говорю о том, что в тебе нет целостности. В тебе нет покоя. Его слова вызвали у меня раздражение. Я почувствовал себя оскорбленным. В конце концов, кто он такой, чтобы судить о моих поступках или о моей личности?

— Ты измучен проблемами, — сказал он. — Почему? — Я всего лишь человек, дон Хуан, — сказал я.

Я придавал этой фразе интонацию, с которой ее произносил мой отец. Он говорил так в тех случаях, когда хотел сказать, что слаб и беспомощен. Поэтому в его словах, как и в моих сейчас, всегда звучали отчаяние и безысходность.

Дон Хуан посмотрел на меня так же, как тогда на автостанции.

— Ты слишком много думаешь о своей персоне, — сказал он и улыбнулся. — А из-за этого возникает та странная усталость, которая заставляет тебя закрываться от окружающего мира и цепляться за свои аргументы. Поэтому кроме проблем у тебя не остается ничего. Я тоже всего лишь человек, но когда я это говорю, то имею в виду совсем не то, что ты.

— Тогда что же?

— Я разделался со своими проблемами. Очень плохо, что жизнь коротка, и я не успею прикоснуться ко всему, что мне нравится. Но это не проблема; это просто сожаление. В 1961, спустя год после нашей первой встречи, дон Хуан сказал мне, что обладает тайными знаниями о лекарственных травах. Он назвал себя «брухо». С испанского это слово переводится как «маг, знахарь, целитель». С этого момента наши отношения изменились. Я стал его учеником, и в течение последующих четырех лет он пытался обучать меня тайнам магии. Этот процесс я описал в книге «Учение дона Хуана. Путь знания индейцев яки».

Говорили мы по-испански. Дон Хуан в совершенстве владел этим языком, что позволило ему очень подобно изложить мне свою систему описания мира. Я называл эту сложную и четко систематизированную ветвь знания магией, а его самого — магом, потому что именно такими категориями пользовался он сам в неофициальном разговоре. Однако в более серьезных и глубоких беседах он говорил о магии как о «знании» и о маге как о «человеке знания». В процессе обучения дон Хуан использовал три достаточно известных психотропных растения: пейот, дурман обыкновенный и один из видов грибов, обладающих галлюциногенным действием. Комбинируя эти средства в определенной последовательности, дон Хуан вводил меня, своего ученика, в специфические состояния искаженного восприятия или измененного сознания. Я назвал их «состояниями необычной реальности». «Реальности» — потому что согласно описанию мира, на котором была основана практическая система дона Хуана, все, что воспринималось в этих состояниях, было не галлюцинациями, а конкретными, хотя и необычными, аспектами повседневной реальности. Дон Хуан рассматривал события, происходившие в необычной реальности, не как якобы реальные, но как вполне реальные.

Классифицировать растения, которые применялись в процессе обучения, как галлюциногены, а вызываемые ими состояния — как необычную реальность, является, конечно,

моей собственной инициативой. Дон Хуан говорил об этих растениях как о транспортных средствах, предназначенных для «доставки» человека к неким безличным «силам». Состояния, которые возникали вследствие приема растений, дон Хуан интерпретировал как «встречи» с «силами». Такие встречи были необходимы магу для того, чтобы научиться этими «силами» управлять.

Силу, заключенную в пейоте, дон Хуан называл «Мескалито». Мескалито является добровольным учителем и защитником людей. Он учит, как «правильно жить». Пейот обычно принимается на собраниях магов, называемых «митоты», участники которых собираются специально для того, чтобы получить урок «правильной жизни».

Дурман и грибы дон Хуан считал силами несколько иного рода. Он называл их «союзниками» и утверждал, что ими можно управлять. Фактически, взаимодействие с союзниками было главным источником могущества мага. Из этих двух сил дон Хуан предпочитал грибы. Он говорил, что сила грибов — его персональный союзник, и называл ее «дым» или «дымок». Процедура подготовки грибов к употреблению была достаточно сложной. Дон Хуан складывал собранные грибы в небольшой кувшин, который особым образом запечатывал и оставлял на год. За это время грибы в кувшине высыхали и рассыпались в пыль. Дон Хуан смешивал ее с порошком из пяти других растений и в итоге получал смесь для курительной трубки. Чтобы стать человеком знания, необходимо было «встречаться с союзником» неоднократно — с ним следовало хорошо «познакомиться». Поэтому курить галлюциногенную смесь требовалось как можно чаще. Грибная пыль в процессе курения не сгорала. Ее нужно было втягивать вместе с дымом от пяти других растений, составлявших смесь, и проглатывать. Мощное воздействие, которое грибы оказывали на восприятие человека, дон Хуан объяснял довольно своеобразно. Он говорил, что «союзник устраняет тело».

Обучение по методу дон Хуана требовало огромных усилий со стороны ученика. Фактически, необходимая степень участия и вовлеченности была столь велика и связана с таким напряжением, что в конце 1965 года мне пришлось отказаться от ученичества. Лишь теперь, по прошествии пяти лет, я могу сформулировать причину — к тому моменту учение дон Хуана представляло собой серьезную угрозу моей «картине мира». Я начал терять уверенность, которая свойственна каждому из нас: реальность повседневной жизни перестала казаться мне чем-то незыблемым, само собой разумеющимся и гарантированным.

К моменту ухода я был убежден, что мое решение окончательно: я больше не хотел встречаться с доном Хуаном. Однако в апреле 1968 я получил сигнальный экземпляр своей первой книги и почему-то решил, что должен показать ее дону Хуану. Я приехал к нему, и наша связь «учитель-ученик» загадочным образом возобновилась. Так начался второй цикл моего ученичества, разительно отличавшийся от первого. Мой страх был теперь уже не таким острым, как раньше. Да и дон Хуан вел себя гораздо мягче. Он много смеялся сам и смешил меня, как бы специально стараясь свести на нет всю серьезность процесса обучения. Он шутил даже в наиболее критические моменты второго цикла, и это помогло мне пройти через исключительно жесткие ситуации, которые при неблагоприятном исходе вполне могли бы вылиться в серьезные психические расстройства. Такой подход диктовался жизненной необходимостью находиться в легком и спокойном расположении духа, иначе я не смог бы выдержать напор и чужеродность нового знания.

— Ты испугался и удрал потому, что чувствовал себя чертовски важным, — так дон Хуан объяснил мой уход. — Чувство собственной важности делает человека безнадежным: тяжелым, неуклюжим и пустым. Человек знания должен быть легким и текучим.

Во втором цикле дон Хуан сосредоточил основные усилия на том, чтобы научить меня «видеть». В его системе знания существовало семантическое различие между понятиями

«видеть» и «смотреть». Тогда как второе обозначало обычный для всех нас способ восприятия, под первым понимался некий сложный процесс, позволявший человеку знания непосредственно воспринимать глубинную сущность явлений.

Чтобы привести свои полевые записи в удобочитаемый вид, я сократил диалоги и убрал все второстепенное. Надеюсь, что это не отразилось на степени соответствия моего изложения истинной сути учения дона Хуана. Моя редакция была направлена на то, чтобы, сохраняя естественность живой беседы и максимально отражая внутреннее психологическое содержание событий, средствами репортажа донести до читателя весь драматизм и напряженность процесса обучения. Каждая глава посвящена одному «уроку» дона Хуана. Как правило, он всегда заканчивал свои уроки на оборванной ноте; таким образом, драматический тон окончания каждой главы — отнюдь не мое литературное изобретение: это было свойственно манере дона Хуана вести обучение как мнемонический прием, помогавший мне удерживать драматическое качество и важность уроков.

Однако многое в этой книге останется неясным, если я предварительно не остановлюсь на некоторых важных моментах. Я имею в виду набор ключевых концепций. Их выбор, равно как и расстановка акцентов определяются моим интересом к социальным наукам. Вполне возможно, что человек с иными целевыми установками в качестве ключевых выделил бы понятия, совершенно отличные от выбранных мной.

Во втором цикле дон Хуан приложил значительные усилия, чтобы убедить меня в невозможности научиться видеть без курения смеси. Поэтому мне приходилось делать это довольно часто.

— Только дым может дать тебе необходимую скорость, чтобы уловить отблеск того текучего мира, — говорил дон Хуан.

С помощью психотропной смеси он вводил меня в определенные состояния необычной реальности. Основной их характеристикой было то, что я мог бы назвать «несоответствием», так как воспринимаемое мной в этих состояниях не поддавалось никакой адекватной интерпретации в рамках нашего привычного мироописания. Другими словами, именно это несоответствие повлекло за собой разрушение цельности моего мировоззрения.

Дон Хуан использовал свойство «несоответствия» состояний необычной реальности для ознакомления меня с новыми «смысловыми блоками» или отдельными элементами той системы знания, которой он меня обучал. Я назвал их так, потому что это были базовые комплексы сенсорных данных и их интерпретаций, на основе которых строились более сложные понятийные структуры. В качестве примера смыслового блока можно взять интерпретацию физиологического действия психотропной курительной смеси. Она вызывает онемение и потерю двигательного контроля: в системе дона Хуана это объяснялось как действие дыма, — вернее, содержащейся в нем силы-союзника, — направленное на «устранение тела практикующего».

Смысловые блоки особым образом объединялись в группы, которые я назвал «чувственными интерпретациями». Очевидно, что в магии существует бесконечное количество вариантов чувственных интерпретаций, которым должен обучиться маг. Ему необходимо уметь на основе магических смысловых блоков адекватно интерпретировать все воспринимаемое. В своей повседневной жизни мы также сталкиваемся с бесконечным количеством чувственных интерпретаций, свойственных нашему описанию мира. Простой пример: понятие «комната», используемое ежедневно и многократно. В силу многолетней практики нам не нужно каждый раз специально интерпретировать структуру, понимаемую под комнатой. Мы привыкли воспринимать ее как нечто цельное и само собой разумеющееся. Но так или иначе комната остается чувственной интерпретацией, так как упоминая о ней, мы каждый раз в каком-то виде

осознаем все элементы, которые дают то, что называется в нашем понимании комнатой. Таким образом, чувственная интерпретация — это процесс, посредством которого практикующий осознает смысловые блоки, необходимые для того, чтобы выносить суждения, делать выводы и предсказания во всех ситуациях, связанных с его деятельностью.

Под практикующим я понимаю всякого, кто обладает адекватным знанием всех или почти всех смысловых блоков, входящих в его систему чувственной интерпретации. Дон Хуан был практикующим, то есть магом, знающим все шаги своей магической практики. Как практикующий, он стремился сделать доступной мне свою систему чувственной интерпретации. В данном случае это было равносильно введению меня в новую социальную среду с присущими ей новыми способами интерпретации сенсорных данных. Именно эти способы мне и предстояло освоить.

Я был здесь «чужим», то есть не умел составлять разумные и адекватные интерпретации из магических смысловых блоков.

Чтобы сделать свою систему понятной, дон Хуан как практикующий должен был сначала разрушить во мне определенную уверенность. Речь идет о свойственной подавляющему большинству людей уверенности в том, что наше основанное на «здравом смысле» описание мира окончательно и однозначно. Используя психотропные растения и точно рассчитанные контакты между мной и чуждой системой, он добился своего — я убедился, что мое описание мира не может быть окончательным, поскольку является лишь одной из множества возможных интерпретаций. В течение тысячелетий то смутное и неопределенное явление, которое мы называем магией, было для американских индейцев серьезной и достоверной практикой, сравнимой по значению с нашей наукой. Понять ее нам сложно, вне всякого сомнения именно потому, что она основана на чуждых смысловых блоках.

Однажды дон Хуан сказал мне, что человеку знания свойственна предрасположенность. Я попросил объяснить.

— Я предрасположен к видению, — сказал он.

— Что ты имеешь в виду?

— Мне нравится видеть, — пояснил он, — потому что видение позволяет человеку знания знать.

— И что же ты видишь?

— Все.

— Но я тоже все вижу, а ведь я — не человек знания.

— Нет, ты не видишь.

— Мне кажется, что вижу.

— А я тебе говорю, что нет.

— Что заставляет тебя так говорить?

— Ты только смотришь на поверхность вещей.

— То есть ты хочешь сказать, что человек знания видит насквозь все, на что он смотрит?

— Нет. Я не это имел в виду. Я говорил о том, что каждому человеку знания свойственна его собственная предрасположенность. Я — вижу и знаю, другие делают что-нибудь свое.

— Например?

— Возьмем, например, Сакатеку. Он — человек знания, и он предрасположен к танцу. Он танцует и знает.

— Насколько я понял, предрасположенность относится к чему-то, что человек знания делает» чтобы знать?

— Верно.

— Но как танец может помочь Сакатеке знать?

— Можно сказать, что Сакатека танцует совсем, что его окружает и со всем, что у него есть.

— Он танцует так же, как я? Я хочу сказать — как вообще танцуют?

— Скажем так: он танцует так, как я вижу, а не так, как мог бы танцевать ты. — А он видит так же, как ты?

— Да, но он еще и танцует.

— И как танцует Сакатека?

— Трудно объяснить... Своего рода танец, особые движения, которые он выполняет, когда хочет знать. Невозможно говорить о танце или о видении, не зная путей и способов действия человека знания. Это все, что я могу сказать тебе сейчас.

— Ты видел его, когда он танцует?

— Да. Но тот, кто просто смотрит на него, когда он это делает, не в состоянии видеть, что это — его способ знать.

Я знал Сакатеку, по крайней мере, мне было известно, кто это. Мы встречались, и однажды я даже покупал ему пиво. Он был очень вежлив и сказал, что я могу останавливаться в его доме, если захочу. Я давно уже хотел к нему заехать, но дону Хуану ничего об этом не говорил.

Днем 14 мая 1962 года я подъехал к дому Сакатеки. Найти его было несложно, потому что Сакатека мне все подробно объяснил. Дом стоял на углу и был окружен забором. Я подергал запертые ворота и обошел вокруг, пытаясь заглянуть внутрь дома. Похоже было на то, что там никого нет.

— Дон Элиас! — громко крикнул я. Испуганные куры с диким кудахтаньем разбежались по двору. К забору подошла собачка. Я подумал, что сейчас поднимется лай. Но собачка молча уселась на землю и стала меня разглядывать. Я позвал еще раз, и куры опять раскудахтались.

Из дома вышла пожилая женщина. Я попросил ее позвать дону Элиаса.

— Его нет дома, — сказала она.

— А где его можно найти?

— Он в поле.

— Где именно?

— Не знаю. Зайдите попозже, ближе к вечеру. Он будет дома около пяти.

— А вы — жена дону Элиаса?

— Да, я его жена, — ответила она и улыбнулась. Я попытался было расспросить ее о Сакатеке, но она извинилась и сказала, что неважно говорит по-испански. Тогда я сел в машину и уехал.

Около шести я вернулся, подъехал к двери, вылез из машины и окликнул Сакатеку. На этот раз из дома вышел он сам. Я включил магнитофон, висевший у меня через плечо. В коричневом кожаном футляре он был похож на кинокамеру. Сакатека вроде бы узнал меня.

— А, это ты, — сказал он, улыбаясь. — Как там Хуан?

— Нормально. А как ваше здоровье, дон Элиас?

Сакатека промолчал. Мне показалось, что он нервничает. Внешне он вроде был в порядке, но я чувствовал, что с ним что-то происходит.

— У тебя поручение от Хуана? — Нет, я сам приехал.

— С чего это вдруг?

В его вопросе сквозило искреннее удивление.

— Ну, просто хотел с вами поговорить... — сказал я, стараясь говорить как можно естественнее. — Дон Хуан рассказывал мне о вас удивительные вещи, я заинтересовался и хотел бы задать несколько вопросов. Сакатека стоял передо мной. Худое жилистое тело, рубашка и штаны цвета хаки. Глаза полузакрыты. Он выглядел то ли сонным, то ли пьяным. Рот был слегка

приоткрыт, нижняя губа отвисла. Я заметил, что он глубоко дышит и едва не похрапывает. Спятил, что ли? Однако мысль эта казалась совершенно неуместной, так как минуту назад, выйдя из дома, он был не только очень бодр, но и вполне осознавал мое присутствие.

— О чем ты хочешь говорить? — спросил он наконец.

Голос его был усталым, казалось, он с трудом выдавливал из себя слова. Мне стало не по себе, словно усталость эта была заразной и перешла на меня.

— Ни о чем особенном. Просто приехал побеседовать с вами по-дружески, вы же меня сами приглашали.

— Да, но это — другое.

— Почему же другое?

— Разве ты не говорил с Хуаном? — Говорил.

— Тогда чего ты хочешь от меня?

— Я думал, может... Ну, я хотел задать вам несколько вопросов...

— Задай Хуану. Разве он тебя не учит?

— Он-то учит, но все равно мне хотелось бы спросить вас о том, чему он меня учит, и узнать еще и ваше мнение. Тогда бы я лучше знал, как мне быть.

— Зачем это тебе? Ты не веришь Хуану?

— Верю.

— Тогда почему не спрашиваешь о том, что тебя интересует, у него?

— Я так и делаю, и он отвечает. Но если бы вы тоже рассказали мне о том, чему он меня учит, может быть, мне было бы понятнее.

— Хуан может рассказать тебе все. И никто, кроме него, это сделать не может. Неужели ты не понимаешь?

— Понимаю. Но мне хотелось бы поговорить и с такими людьми, как вы. В конце-то концов, не каждый же день встречаешься с человеком знания.

— Хуан — человек знания.

— Я знаю это.

— Тогда зачем тебе говорить со мной? — Я же сказал — приехал просто так, по-приятельски, что ли...

— Ты приехал не за этим. Сегодня в тебе есть что-то другое.

Я еще раз попытался объяснить, но вышло только невнятное бормотание. Сакатека молчал. Казалось, он внимательно слушает. Глаза его снова были полузакрыты, но я чувствовал, что он пристально на меня смотрит. Он едва заметно кивнул, затем веки его приподнялись, и я увидел глаза. Взгляд их был направлен куда-то вдаль. Как бы машинально он постукивал по земле носком правой ноги позади левой пятки, слегка согнув ноги в коленях и расслабленно опустив руки вдоль туловища. Он медленно поднял правую руку, повернув раскрытую ладонь к земле. Выпрямив пальцы, он вытянул руку в моем направлении. Она пару раз качнулась, а затем поднялась на уровень моего лица. На мгновение Сакатека застыл в этой позе, а затем что-то мне сказал. Слова он произносил очень четко, но я ничего не понял. Через секунду Сакатека расслабленно уронил руку вдоль туловища и застыл в странной позе: вес тела он перенес на носок левой ступни, а правую поставил за левой крест-накрест, мягко и ритмично постукивая ее носком по земле.

Меня охватило какое-то странное чувство, своего рода беспокойство. Мысли начали как бы распадаться на части. В голову лезла какая-то бессмыслица, обрывки чего-то, никак не связанного с происходящим.

В общем-то отдавая себе отчет, что со мной творится что-то неладное, я попытался вернуть мысли к реальности, но безуспешно, несмотря на напряженную борьбу. Ощущение было такое,

что какая-то сила не позволяет мне сосредоточиться и мешает связно мыслить.

Сакатека упорно молчал, и я не знал, что делать дальше. Совершенно автоматически я повернулся и ушел.

Позднее я почувствовал, что непременно должен рассказать об этой истории дону Хуану. Он смеялся от души.

— Что это было? Что происходило на самом деле? — спросил я. — Сакатека танцевал, — ответил дон Хуан. — Он увидел тебя, и потом танцевал.

— Что он делал? Я ощущал холод и дрожь.

— Ты ему явно не понравился, и он остановил тебя, бросив в тебя слово.

— Как он мог это сделать? — недоверчиво спросил я.

— Очень просто. Он остановил тебя своей волей.

Объяснение меня не удовлетворило, потому что показалось бессмысленным. Я попытался расспрашивать еще, но он так и не сказал ничего вразумительного.

Очевидно, что все случившееся, как и любое другое явление, происходящее в рамках чужой системы чувственной интерпретации, можно объяснить или понять только используя смысловые блоки этой системы. Поэтому читать эту книгу следует как репортаж, поскольку именно таковым она и является. Я не владел системой, которую описывал, и потому претензия на что-то большее была бы несостоятельной и вводила бы читателя в заблуждение. В этом смысле я старался придерживаться феноменологического метода, относясь к магии сугубо как к явлению, с которым мне довелось столкнуться. Я воспринимал нечто и описывал то, что воспринимал, воздерживаясь от каких бы то ни было суждений.

2 апреля 1968

Какое-то мгновение дон Хуан глядел на меня. Казалось, он совсем не удивился моему появлению, хотя со времени нашей последней встречи прошло уже более двух лет. Он положил руку мне на плечо, улыбнулся и сказал, что я изменился — потолстел и стал мягче.

Я привез ему экземпляр своей книги. Без предисловий я вынул ее из портфеля и вручил ему. — Это книга о тебе, дон Хуан, — сказал я.

Он пробежал большим пальцем по страницам, как пролистывают игральные карты, вскрывая новую колоду. Ему понравился зеленый цвет переплета и формат книги. Он погладил ее, повертел в руках и вернул мне. Я ощутил прилив гордости.

— Я хочу, чтобы ты оставил ее себе, — сказал я. Дон Хуан молча засмеялся и покрутил головой.

— Лучше не надо, — сказал он и с широкой улыбкой добавил: — Ты же знаешь, на что в Мексике идет бумага.

Я засмеялся. Его ирония показалась мне забавной.

Мы сидели на скамейке в парке небольшого городка в Центральной Мексике. Я не мог заранее сообщить дону Хуану о своем приезде, но был уверен, что встречу его. Так и случилось.

Когда я приехал сюда, дон Хуан был в горах, но ждать его мне пришлось недолго. Я встретил его на рынке, он стоял возле прилавка одного из своих приятелей.

Дон Хуан несколько не удивился и как бы между прочим сказал, что я появился как раз вовремя, чтобы отвезти его обратно в Сонору. Мы пошли в парк и сели на скамейку в ожидании его друга — индейца-масатека, у которого он гостил.

Мы прождали около трех часов, разговаривая о всяких мелочах. В конце дня, как раз перед приходом его друга, я рассказал о случае, очевидцем которого я был несколько дней назад.

По дороге сюда на окраине одного города у меня сломалась машина, и мне пришлось задержаться на три дня, пока ее ремонтировали. Напротив автомастерской был мотель, но окраины всегда действуют на меня угнетающе, и я снял номер в современном восьмиэтажном отеле в центре.

Посыльный сказал, что в отеле есть ресторан. Спустившись туда, я увидел, что часть столиков вынесена на свежий воздух под красивые кирпичные арки современной архитектуры на углу улицы. Было довольно прохладно, и некоторые столики стояли свободными. Однако я предпочел остаться в душном помещении, так как сквозь раскрытую входную дверь заметил мальчишек — чистильщиков обуви. Они сидели на бордюре перед рестораном, и я был уверен, что стоит мне выйти и занять один из наружных столиков, как они тут же начнут приставать со своими щетками. Я сидел у окна и прекрасно видел мальчишек. Подошли двое молодых людей и сели за один из столиков. Мальчишки тут же окружили их, предлагая почистить обувь. Те отказались и, к моему удивлению, мальчишки не стали настаивать и молча уселись обратно на бордюр. Немного погодя встали и ушли трое мужчин в деловых костюмах. Мальчишки подбежали к их столику и стали жадно доедать объедки. Несколько секунд — и тарелки были чистыми. То же повторилось с объедками на остальных столиках.

Я заметил, что дети были весьма аккуратны. Если они проливали воду, то промокали ее своими фланельками для чистки обуви. Я также отметил тотальность поглощения ими объедков, — они съедали все вчистую, даже кубики льда, оставшиеся в стаканах, ломтики лимона из чая и кожуру от фруктов.

За время, пока я жил в отеле, я обнаружил, что между детьми и хозяином ресторана

существует нечто вроде соглашения. Детям было позволено околачиваться у заведения, подзарабатывать чисткой обуви посетителей, а также доедать остатки пищи на столиках, но при условии, что они никого не рассердят и ничего не разобьют. Всего их было одиннадцать в возрасте от пяти до двенадцати лет. Однако самый старший держался немного особняком от остальных. А те, в свою очередь, всячески третировали его и распевали дразнилку про то, что он слишком стар для их компании и что у него в известном месте уже растут волосы.

В течение трех дней я наблюдал, как они, словно стервятники, набрасываются на самые непривлекательные объедки, и в конце концов искренне расстроился. Покидал я город с тяжелым чувством горечи по поводу того, что у этих детей нет никакой надежды — их мир уже изуродован ежедневной борьбой за кусок хлеба.

— Ты их жалеешь? — удивленно воскликнул дон Хуан.

— Разумеется.

— Почему?

— Потому что мне небезразлична судьба моих ближних. Эти мальчики — совсем еще дети, а их мир так уродлив и мелок. — Пстой, постой! С чего это ты взял, что их мир уродлив и мелок? — спросил дон Хуан, передразнивая меня, — Или ты считаешь, что твой — лучше?

Я ответил, что именно так и считаю. Он поинтересовался, на основании чего. Тогда я сказал, что по сравнению с миром этих детей мой — бесконечно разнообразнее и богаче событиями и возможностями для личного удовлетворения и совершенствования. Смех дон Хуана был искренним и дружелюбным. Он сказал, что я неосторожен в суждениях, так как ничего не знаю и не могу знать о богатстве и возможностях мира этих детей.

Я решил, что дон Хуан просто упрямится. Я действительно думал, что он встал на противоположную точку зрения только затем, чтобы меня позлить, и совершенно искренне считал, что у этих детей нет ни малейших шансов на интеллектуальное развитие. Еще некоторое время я отстаивал свою точку зрения, а затем дон Хуан резко спросил:

— Разве не ты говорил мне как-то, что стать человеком знания — высшее из всех достижений, доступных человеческому существу?

Я действительно говорил это, и повторил вновь, что стать человеком знания — высочайшее интеллектуальное достижение.

Ты полагаешь, что твой очень богатый мир способен тебе в этом хоть чем-нибудь помочь? — спросил дон Хуан с некоторым сарказмом.

Я не ответил, и тогда он сформулировал тот же вопрос другими словами — прием, которым я всегда пользовался сам, когда думал, что он не понимает.

— Иначе говоря, — продолжал он, широко улыбаясь и, видимо, понимая, что я уловил намек, — помогут ли тебе твоя свобода и твои возможности стать человеком знания?

— Нет! — твердо ответил я.

— Тогда с какой стати ты жалеешь этих ребят? — спросил он серьезно. — Любой из них может стать человеком знания. Все известные мне люди знания были такими же детьми и так же поедали объедки и вылизывали тарелки. Я почувствовал неудобство. Моя жалость к этим детям была обусловлена вовсе не тем, что им нечего есть, а тем, что, по моему мнению, они были обречены своим миром на умственную неполноценность. И тут дон Хуан заявляет, что каждому из них доступно то, что я считаю высочайшим из всех возможных человеческих достижений, — любой из них может стать человеком знания. Дон Хуан поддел меня очень точно.

Видимо, ты прав, — произнес я. — Но как быть с искренним желанием помочь ближним?

Каким же, интересно, образом можно им помочь?

Облегчая их ношу. Самое малое, что мы можем сделать для них, — это попытаться их

изменить. Сам-то ты разве не этим занимаешься?

— Ничего подобного. Я понятия не имею, зачем и что можно изменить в моих ближних. — Как насчет меня, дон Хуан? Разве ты учишь меня не для того, чтобы я смог измениться?

— Нет. Я не пытаюсь изменить тебя. Возможно, что когда-нибудь ты станешь человеком знания, — этого нельзя узнать заранее, — но это никак не изменит тебя. Может быть, однажды ты научишься видеть, и тогда, увидев людей на другом плане, ты поймешь, что в них невозможно ничего изменить.

— Что это за другой план восприятия людей, дон Хуан?

— Люди выглядят иначе, когда их видишь. Дымок поможет тебе увидеть их как волокна света.

— Волокна света?

— Да. Похожие на белую паутину. Очень тонкие. Они тянутся от головы к пупку, и человек похож на яйцо из текучих волокон; руки и ноги подобны светящимся протуберанцам, вырывающимся в разные стороны.

— И так выглядит каждый?

— Каждый. Кроме того, любой человек постоянно находится в контакте со всем остальным миром. Правда, связь эта осуществляется не через руки, а с помощью пучка длинных волокон, исходящих из середины живота. Этими волокнами человек соединен со всем в мире, благодаря им он сохраняет равновесие, они придают ему устойчивость. Так что и ты сам это когда-нибудь увидишь. Человек — это светящееся яйцо, будь он нищий или король. А что можно изменить в светящемся яйце? Что?

С этого приезда к дону Хуану начался новый цикл обучения. Без труда вернувшись к своему прежнему ощущению удовольствия от его чувства юмора и драматизма, я оценил его терпеливость в отношении меня и понял, что непременно должен приезжать почаще. Не видеть дона Хуана было поистине огромной потерей для меня; кроме того, я хотел поговорить с ним об одной вещи, которая представляла для меня определенный интерес. Закончив книгу о его учении, я стал просматривать те полевые записи, которые в нее не вошли. Их было немало, так как раньше меня интересовали в основном состояния необычной реальности. Перебирая записи, я пришел к выводу, что маг, мастерски владеющий своей практикой, за счет одних только «манипуляций социальными ключами» способен сформировать у своего ученика в высшей степени необычный и специализированный диапазон восприятия. В основе моих рассуждений относительно природы этих манипуляций лежало предположение о том, что для создания требуемого диапазона восприятия необходим ведущий.

В качестве примера я рассмотрел пейотное собрание магов. Я был согласен с тем, что в ходе этого собрания маги приходят к некоторому общему для всех заключению о природе реальности, не прибегая при этом к явному обмену знаками или словами. Из этого следовал вывод — чтобы прийти к такому соглашению, участники должны были пользоваться каким-то очень мудреным кодом.

Я построил сложную систему объяснения такого кода и процедуры его использования. Отправляясь к дону Хуану, я намеревался узнать его мнение по этому вопросу и спросить совета относительно моей дальнейшей работы.

21 мая 1968

По пути ничего особенного не случилось. В пустыне было очень жарко, поэтому дорога оказалась довольно утомительной. Но к вечеру жара спала, и когда я подъехал к дому дона Хуана, дул прохладный ветерок. Я не очень устал, поэтому мы сидели в его комнате и разговаривали. Я чувствовал себя очень хорошо и непринужденно, и мы просидели допоздна. Это был не тот разговор, который стоило бы записывать. В общем-то я и не пытался говорить о чем-то значительном. Речь шла о погоде, его внуке, индейцах яки, мексиканском правительстве, перспективах на урожай. Я сказал дону Хуану, что мне нравится то острое ощущение, которое возникает от беседы в темноте. Он ответил, что это вполне соответствует моей болтливой натуре и что мне легко любить разговоры в темноте, потому что ни на что другое в подобной ситуации я попросту не способен. Я возразил, что мне нравится нечто большее, чем сам разговор, и сказал, что мне доставляет удовольствие чувство убаюкивающего тепла окружающей темноты. Он спросил, что я делаю дома, когда становится темно. Я ответил, что включаю свет или выхожу побродить по освещенным улицам до тех пор, пока не придет время ложиться спать.

— О-о-о... — протянул он с недоверием. А я-то думал, что ты уже научился использовать темноту.

— А для чего ее можно использовать?

Он ответил, что темнота (он сказал «темнота дня») — это лучшее время для того, чтобы видеть. «Видеть» он выделил особой интонацией. Я попытался выяснить, что он имеет в виду, однако он сказал, что уже слишком поздно, чтобы начинать разбираться с этим вопросом.

22 мая 1968

Едва проснувшись утром, я напрямик сказал дону Хуану, что разработал систему, которая объясняет происходящее во время митоты — пейотного собрания магов. Я взял подготовленные дома заметки и зачитал ему свою версию. Я старался как можно доходчивей объяснить

разработанную мною схему, а он терпеливо слушал.

Чтобы все участники настроились на некоторое заданное соглашение, их нужно определенным образом подготовить, рассуждал я, а для этого необходим скрытый лидер — ведущий. Участники митоты собираются для того «чтобы встретиться с Мескалито и получить урок «правильной жизни». При этом они, не обмениваясь ни единым словом и ни единым жестом, приходят к общему заключению относительно присутствия Мескалито и содержания его конкретного урока. Во всяком случае, на тех митотах, в которых я участвовал, дело обстояло именно так — Мескалито являлся каждому и давал урок. На своем личном опыте я убедился, что индивидуальное восприятие формы визита Мескалито и его урока было поразительно одинаковым для всех, хотя содержание урока от человека к человеку менялось. Я не мог объяснить высокую степень совпадения ничем иным, кроме наличия какой-то тонкой и очень сложной системы настройки.

На чтение и объяснение всей схемы у меня ушло часа два. В конце я попросил дон Хуана объяснить, какова в действительности система настройки.

Когда я замолчал, он скривился. Я подумал, что мое объяснение показалось ему вызывающим. Казалось, он о чем-то напряженно размышляет. Выдержав паузу, я спросил, что же он все-таки думает по поводу моих соображений.

Тут его гримасу сменила улыбка, перешедшая в гомерический хохот. Я тоже попытался было смеяться, а потом нервно спросил, что же в этом смешного.

— Ты спятил! — воскликнул он. — С какой стати кто-то будет заниматься чьей-то там настройкой в такой важный момент, как митота? Или ты думаешь, что все, связанное с Мескалито — сплошное надувательство?

Какое-то мгновение мне казалось, что он уходит от прямого ответа на вопрос — сказанное им ответом не являлось.

— С какой стати кому-то заниматься настройкой? — упрямо продолжал дон Хуан. — Ведь ты же там был. Ты должен знать, что никто не объяснял тебе, что следует чувствовать или делать. Никто, кроме самого Мескалито. Я настаивал на том, что такое объяснение невозможно, и вновь попросил его рассказать, каким образом достигается соглашение.

— Теперь я понял, зачем ты приехал, — с таинственным видом произнес дон Хуан. — Но вряд ли я смогу тебе чем-то помочь, потому что никакой системы настройки не существует.

— Но тогда почему все эти люди приходят к единому соглашению относительно присутствия Мескалито?

— Да потому, что они видят! — драматическим тоном сказал дон Хуан, а потом, как бы между прочим, добавил: — А почему бы тебе еще разок не побывать на митоте и не увидеть все самому?

Я понял, что это — ловушка, и, ни слова не говоря, спрятал все свои бумаги. Он не настаивал. Спустя какое-то время дон Хуан попросил меня съездить с ним к одному из его друзей. Мы поехали и провели там несколько часов. В разговоре Джон — так звали хозяина дома — спросил, что вышло из моего интереса к пейоту. Джон был тем самым человеком, у которого восемь лет назад мы брали пейотные бутоны для моего первого опыта. Я не знал, что ответить. Дон Хуан пришел ко мне на помощь и сказал, что со мной все в порядке.

На обратном пути я почувствовал, что должен как-то объясниться по поводу вопроса, заданного Джоном. Среди прочего я сказал, что пейот меня более не интересует, так как связанная с ним практика требует особой отваги, а ее у меня нет, и что когда я говорил, что больше пробовать не намерен, то имел в виду именно то, что говорил. Дон Хуан молча улыбался, а я продолжал болтать, пока мы не приехали.

Мы уселись на чистой площадке перед домом. Был тёплый ясный день. Довольно сильный

вечерний ветерок обвевал нас приятной прохладой. — Что заставляет тебя так яростно сопротивляться? — неожиданно спросил дон Хуан. — Сколько лет уже ты твердишь, что не намерен больше учиться?

— Три года.

— Почему ты всегда говоришь об этом с такой страстью?

— У меня такое чувство, что я предаю тебя, дон Хуан. Наверное, потому я так часто все это повторяю.

— Ты меня не предаешь.

— Я тебя подвел. Я бежал. Я чувствую, что потерпел поражение.

— Ты делаешь все, что можешь, и никакого поражения ты не потерпел. То, чему я должен тебя научить, дается с огромным трудом. Мне, например, было еще тяжелее, чем тебе.

— Но ты не бросил, дон Хуан. Со мной все иначе. Я сдался. А приехал к тебе не потому, что собрался учиться. Просто хотел кое-что спросить по работе...

Дон Хуан секунду смотрел на меня, а затем отвел взгляд.

— Ты снова должен позволить дымку вести себя, — сказал он с нажимом.

— Нет, дон Хуан, я больше не могу. Похоже, я выдохся. — Ты еще и не начал.

— Я очень боюсь.

— Ну и бойся на здоровье. Это не ново. Ты думай не о страхе. Думай о чудесах видения.

— Честное слово, я хотел бы думать об этих самых чудесах, да не могу... Когда я вспоминаю о твоём дымке, то чувствую, что на меня наваливается какая-то тьма. Так, словно на всей земле нет больше ни единого человека, никого, с кем можно перекинуться словом. Твой дымок показал мне безысходность одиночества.

— Это неправда. Возьми меня, к примеру. Дымок — мой союзник, а я не ощущаю одиночества.

— Но ты другой. Ты победил страх. Дон Хуан мягко похлопал меня по плечу.

— Ты не боишься, — сказал он. В его голосе слышалось странное обвинение.

— Но разве я лгу насчет страха, дон Хуан?

— Лжешь, не лжешь — меня это не интересует, произнес он сурово. — Меня волнует другое. Ты не хочешь учиться вовсе не потому, что боишься. Причина в другом. Мне страшно хотелось узнать, в чем же дело. Я пытался выудить из него ответ, но он только молча покачал головой, как бы не в силах поверить, что я не знаю этого сам.

Я сказал ему, что всему виной, должно быть, моя инерция. Он поинтересовался значением слова «инерция». Я взял в машине словарь и прочитал: «Тенденция материального объекта, не подверженного воздействию внешних сил, к сохранению состояния покоя, если оно находится в покое, либо движения в неизменном направлении, если оно движется».

— Не подверженного воздействию внешних сил, — повторил он. — Лучше, пожалуй, и не скажешь... Только дырявый горшок может пытаться стать человеком знания по своей воле. Трезвомыслящего нужно затягивать на путь хитростью. Я уже говорил тебе об этом.

— Но я уверен, что найдется масса людей, которые с радостью захотят учиться, — сказал я. — Да, но эти не в счет. Обычно они уже с трещиной. Как пересохшая бутылка из тыквы, которая с виду в порядке, но начинает течь, как только в нее наливают воду и появляется давление. Когда-то я втянул тебя в учение хитростью, и то же самое в свое время сделал со мною мой бенефактор. Если бы не мой трюк, ты бы никогда не сумел столь многому научиться. Пожалуй, пора повторить этот прием.

Говоря о хитрости, он напоминал мне об одном из самых критических моментов моего ученичества. С тех пор прошло уже несколько лет, но я помнил все так, словно это было только вчера. Дон Хуан мастерски втянул меня в совершенно жуткое прямое противостояние с одной

женщиной, имевшей репутацию колдуньи, что привело к глубокой враждебности с ее стороны. Дон Хуан использовал мой страх перед этой женщиной как мотивировку. Он говорил, что мне ничего не остается, кроме как продолжать обучение, иначе я не смогу устоять против ее магического нападения. Результат его «хитрости» был достаточно убедительным — я искренне поверил, что если хочу остаться в живых, то должен срочно учиться магии, причем как можно эффективнее, и другого выхода у меня нет.

— Если ты намерен снова пугать меня этой дамой, то ноги моей здесь больше не будет, — сказал я. Дон Хуан развеселился.

— Не волнуйся, — успокоил он меня. — Трюки со страхом в твоём случае уже не проходят. Ты больше не боишься, но что касается хитрости вообще, то тебя можно подловить, где бы ты ни был, и для этого тебе вовсе не требуется сюда приезжать.

Он заложил руки за голову и задремал. Я взялся за свои записи и работал часа два — пока он не проснулся. К тому времени уже почти совсем стемнело. Заметив, что я пишу, он сел, выпрямился и с улыбкой спросил, выписался ли я из своей проблемы.

23 мая 1968

Мы говорили об Оахаке. Я рассказал дону Хуану, как однажды попал в этот город в базарный день, когда толпы индейцев со всей округи стекаются на рынок торговать продуктами и разными мелочами. Особенно меня заинтересовал продавец лекарственных растений. У него был деревянный лоток, а на лотке — баночки с высушенными и размолотыми травами. Одну баночку он держал в руке и, стоя посреди улицы, громко распевал речитативом довольно занятную песенку:

Составы против мух, блох, клещей и комаров
Средства для свиней, коз, коней и для коров
И для людей лекарства — не нужно докторов
Корь, свинка и подагра с ревматизмом не страшны
Лекарства для желудка, сердца, печени, спины
Подходите, леди и джентльмены
Имеем лекарства от любых болезней
Составы против мух, блох, клещей и комаров...

Я слушал довольно долго. Его реклама состояла из длинного перечня болезней, от которых, как он утверждал, у него имеются лекарства. Для того, чтобы песенка была ритмичной, он выдерживал небольшую паузу после каждого четырех названий. Дон Хуан сказал, что в молодости тоже торговал лекарственными травами на Оахакском базаре. Он еще не забыл свою рекламную песенку и пропел ее мне, и добавил, что часто пел дуэтом со своим другом Висенте.

Я сказал, что познакомился с Висенте во время одной из поездок в Мексику. Дон Хуан, казалось, был искренне удивлен и попросил меня рассказать об этом подробнее.

В тот раз я ехал через Дуранго и вспомнил, что в этом городе живет один из друзей дона Хуана, с которым он советовал мне когда-нибудь обязательно познакомиться. Я разыскал этого человека, и мы немного поговорили. На прощанье он дал мне мешочек с несколькими растениями и подробно объяснил, как нужно посадить одно из них.

По пути в Агуас Калентес я остановился, вышел из машины и внимательно осмотрелся, желая убедиться в том, что поблизости никого нет. Я стоял на вершине невысокого холма, с которого дорога просматривалась на несколько километров в обоих направлениях. Местность была абсолютно пустынной. Несколько секунд я помешкал, чтобы сориентироваться и вспомнить инструкции дона Висенте. Потом взял одно из растений, зашел в кактусы к востоку от дороги и посадил его, в точности следуя всем указаниям. Для полива растения я прихватил из машины бутылку минеральной воды. Я попытался сбить пробку железкой, которой копал

ямку для растения, но неудачно — бутылка разбилась и отлетевший осколок зацепил верхнюю губу. Пошла кровь.

Я вернулся к машине за второй бутылкой. Когда я вынимал ее из багажника, рядом остановился почтовый фургон «фольксваген», и водитель спросил, что случилось. Я ответил, что все нормально, и он уехал. Я пошел к растению, полил его и направился обратно к машине. Когда до дороги оставалось метров тридцать, неожиданно послышались голоса. Я быстро спустился к шоссе и увидел трех мексиканцев — двух мужчин и одну женщину. Один из мужчин сидел на переднем бампере моей машины. На вид — лет сорок, среднего роста, с черными курчавыми волосами. На нем были старые потертые джинсы и выгоревшая, когда-то розовая рубашка, за спиной болтался какой-то сверток. Ботинки с незавязанными шнурками были ему, похоже, велики и казались очень неудобными. Он обливался потом. Другой мужчина стоял шагах в десяти от машины. Он выглядел хрупким и ростом был ниже первого. Прямые волосы были зачесаны назад. На вид ему было лет пятьдесят. Одет он был немного лучше: темно-синий пиджак, светло-голубые джинсы, черные туфли. В руках у него был сверток поменьше. Он ничуть не вспотел, и казался отрешенным и незаинтересованным.

Женщине было за сорок. Толстая и очень смуглая, в черной юбке, белом свитере и остроносых туфлях. Свертка у нее не было, зато был транзистор. Она выглядела очень усталой, лицо покрывали большие капли пота.

Когда я подошел, женщина и мужчина помоложе попросили меня подвезти их. Я показал на полностью загруженное заднее сиденье и сказал, что в машине нет места. Тогда мужчина сказал, что если я поеду не слишком быстро, то их вполне устроит задний бампер. Кроме того, они могли бы устроиться на капоте. Я сказал, что это несерьезно. Однако по их тону чувствовалось, что для них это очень важно. Мне стало неловко, и я дал им денег на автобус.

Мужчина помоложе взял деньги и поблагодарил, однако второй неприязненно отвернулся.

— Я хочу, чтобы он нас подвез, — сказал он, — деньги меня не интересуют. Потом он обратился ко мне:

— У тебя есть вода или что-нибудь поесть?

Но у меня не было продуктов, а воды больше не осталось, и предложить им было действительно нечего. Они еще немного постояли, глядя на меня, потом повернулись и пошли по дороге.

Я сел в машину и попытался запустить двигатель. Но он не работал — была страшная жара, и я, должно быть, перекачал бензин. Услышав жужжание стартера, мужчина помоложе остановился, а потом вернулся к машине и встал сзади, готовый ее подтолкнуть. Я почувствовал себя страшно неуютно и даже вздохнул с неподдельным отчаянием. Наконец, двигатель заработал, и я укатил прочь.

После того, как я закончил свой рассказ, дон Хуан долго молчал. — Почему ты не говорил мне об этом раньше? — спросил он, не глядя на меня.

Пожав плечами, я ответил, что никогда не считал этот случай чем-то важным.

— Это чертовски важно, — сказал он. — Висенте — первоклассный маг. Он дал тебе что-то посадить потому, что у него были на то основания. И если ты встретил трех человек, которые выскочили из ниоткуда сразу после того, как ты посадил растение, то этому тоже была своя причина. И только такой непроходимый тупица, как ты, мог не обратить на это внимания и считать, что ничего особенного не произошло.

Он велел как можно подробнее рассказать обо всем, что происходило в тот день, когда я был у Висенте.

Я начал рассказывать, как, проезжая через город, оказался возле рынка. Мне пришла в голову мысль поискать дона Висенте. Я остановился, вылез из машины и пошел через рынок

туда, где торговали лекарственными травами. Вряд ли было три прилавка, но за ними сидели толстые матроны. Я дошел до конца прохода и за поворотом обнаружил еще один прилавок. За ним сидел хрупкий седой человек. Когда я его увидел, он как раз продавал какой-то женщине клетку для птиц.

Я подождал, пока он освободится, а затем поинтересовался, не знает ли он дона Висенте Медрано. Он смотрел на меня, не отвечая.

— Что вам нужно от Висенте Медрано? — спросил он наконец.

Я сказал, что пришел навестить его от лица моего друга, и назвал ему имя дона Хуана. Старик секунду смотрел на меня, а затем сказал, что он и есть Висенте Медрано и что он к моим услугам. Потом предложил мне сесть. Он казался очень довольным, вел себя свободно и дружелюбно. Я рассказал ему о своей дружбе с доном Хуаном. Чувствовалось, что между нами сразу же возникла взаимная симпатия. Дон Висенте сказал, что знаком с доном Хуаном с тех пор, как им обоим было по двадцать лет. Он исключительно хорошо отзывался о доне Хуане, а в самом конце разговора произнес с дробью в голосе: — Хуан — истинный человек знания. Сам я очень мало занимался силами растений. Меня всегда больше интересовали их лечебные свойства. Я даже собирал книги по ботанике, которые продал лишь недавно.

Он немного помолчал, потирая подбородок и как бы подбирая подходящее слово.

— Можно сказать, что я — человек лирического знания, — сказал он. — Другое дело Хуан — мой индейский брат...

Дон Висенте помолчал еще с минуту. Застывшим взглядом он уставился в землю слева от меня. Потом повернулся ко мне и сказал почти шепотом:

— О, как высоко парит мой индейский брат!

Дон Висенте поднялся. Разговор, казалось, был окончен. Если бы кто-то другой заявил нечто подобное насчет «парящего индейского брата», я счел бы это штампом, сентиментальной дешевкой. Однако дон Висенте сказал это так искренне и с таким ясным взглядом, что я был прямо-таки заморожен образом индейского брата, который парит так высоко... Я был уверен, что он говорит совершенно серьезно.

— Лирическое знание. Как же! — воскликнул дон Хуан, когда я рассказал ему все. — Висенте — брухо. Какого черта ты к нему пошел?

Я напомнил, что он сам советовал мне побывать у дона Висенте.

— Какая чушь! — очень выразительно сказал он. — Я тебе говорил, что когда-нибудь, после того, как ты научишься видеть, тебе полезно будет познакомиться с моим другом Висенте. Вот что я говорил. А ты пропустил это мимо ушей.

Я пытался возражать, говоря, что дон Висенте не сделал мне ничего дурного и что я был просто очарован его манерами и добротой.

Дон Хуан покрутил головой и полушутливым тоном выразил свое крайнее изумление по поводу того, что он назвал «хранящим меня везением». Он сказал, что мой «поход» к дону Висенте выглядит примерно так же, как если б я забрался в клетку со львами, вооружившись хворостинкой. Дон Хуан казался возбужденным, хотя я не видел никаких причин для беспокойства. Дон Висенте прекрасный человек. Он выглядел таким хрупким, даже почти эфемерным, наверное из-за странно призрачных глаз. Я спросил дона Хуана, каким образом такой замечательный человек мог быть опасным.

— Ты чертовски глуп! — сказал он, жестко взглянув на меня. — Конечно, сам он не сделает тебе ничего плохого. Но знание — это сила. И если человек встал на путь знания, то он больше не отвечает за то, что может случиться с теми, кто вступает с ним в контакт. Отправляться к Висенте тебе следовало только после того, как ты будешь знать достаточно, чтобы обезопасить себя. Обезопасить не от него, а от той силы, которая на него работает и которая, кстати, не

принадлежит ни ему, ни кому-либо другому. Узнав, что ты — мой друг, и решив, что ты знаешь достаточно, чтобы защитить себя, он сделал тебе подарок. Ты явно ему понравился, и он сделал тебе великолепный подарок, на который ты наплевал. Какая жалость!

24 мая 1968

Весь день я надоедал дону Хуану, упрашивая рассказать о подарке дона Висенте. Я доказывал, что он должен учитывать разницу между нами — ведь то, что для него очевидно, мне может быть совершенно непонятным. В конце концов он уступил.

— Сколько растений он тебе дал?

Я сказал, что четыре, хотя в действительности точно не помнил. Тогда дон Хуан попросил меня как можно подробнее рассказать, что происходило после того, как я ушел от дона Висенте. — вплоть до момента, когда я остановился на шоссе. Но я почти ничего не помнил.

— Количество растений и порядок событий имеют огромное значение, — сказал он. — Откуда мне знать, что это был за подарок, если ты сам ничего не помнишь?

Я безуспешно пытался восстановить последовательность событий.

— Если бы ты вспомнил детали, я мог бы, по крайней мере, сказать тебе, каким образом ты упустил подарок. Дон Хуан был заметно взволнован и настойчиво пытался заставить меня вспомнить, но на этом месте в моей памяти был провал.

— Как ты думаешь, что именно я сделал неправильно, дон Хуан? — спросил я просто чтобы не молчать.

— Все.

— Но ведь я буквально следовал всем инструкциям дона Висенте!

— Ну и что? Неужели тебе не ясно, что это было бессмысленно?

— Почему?

— Потому что инструкции были даны тому, кто умеет видеть, а не идиоту, который только благодаря везению выпутался из этой истории живым. Ты отправился к Висенте неподготовленным. Он подарил тебе нечто, потому что ты ему понравился. Но этот подарок вполне мог стоить тебе жизни. — Но зачем же тогда он дал мне что-то столь серьезное? Если он маг, то должен был понять, что я ничего не знаю.

— Нет, он не мог этого увидеть. Ты выглядишь знающим, хотя в действительности знаешь очень мало.

Я мог бы поклясться, что ничего из себя не строил, по крайней мере, сознательно.

— Я не это имею в виду, — сказал он. — Если бы ты что-то из себя строил, Висенте увидел бы это. Когда я вижу тебя, то для меня ты выглядишь так, словно знаешь очень многое, хотя сам я уверен, что это не так.

— О каком знании ты говоришь, дон Хуан? Что именно я будто бы знаю?

— Секреты силы, конечно, знание брехо. Поэтому когда Висенте увидел тебя, он сделал тебе подарок, а ты поступил с этим подарком, как собака поступает с едой, когда у нее набито брюхо. Наевшись вдоволь, она мочится на пищу, чтобы ее не съели другие собаки. И теперь мы никогда не узнаем, что же это было на самом деле. Ты многое потерял. Какая жалость!

Он помолчал немного, пожал плечами и усмехнулся. — Жаловаться бесполезно, — сказал он. — Но от этого трудно отучиться. Подарки силы встречаются в жизни крайне редко, они уникальны и драгоценны. Мне, например, никогда не делали таких подарков. Я знаю лишь очень немногих людей, которые получали нечто подобное. Стыдно разбрасываться столь уникальными вещами.

— Я тебя понял, дон Хуан, — сказал я. — Что я могу сделать, чтобы спасти подарок?

Он засмеялся и несколько раз повторил «спасти подарок».

— Звучит здорово, — сказал он. — Мне нравится. Но все же спасти твой подарок ничто не в

силах.

25 мая 1968

Сегодня дон Хуан показывал мне, как собираются ловушки для мелкой дичи. Почти все утро мы срезали и очищали ветки. У меня в голове вертелось множество вопросов. Я пытался заговорить с ним во время работы, но он отшутился, сказав, что из нас двоих лишь мне одному под силу одновременно работать и руками и языком. Наконец мы присели отдохнуть, и я тут же выпалил вопрос:

— Дон Хуан, на что похоже видение?

— Чтобы это узнать, необходимо самому научиться видеть. Я не могу объяснить тебе.

— Это что — секрет, который ты мне пока не можешь раскрыть?

— Нет. Просто это нельзя описать словами.

— Почему?

— Ты не поймешь.

— А ты попробуй. Вдруг пойму?

— Нет. Ты должен сделать это самостоятельно. Научившись видеть, ты будешь воспринимать мир по-другому.

— Так значит ты, дон Хуан, больше не воспринимаешь мир обычным способом?

— Я воспринимаю обоими способами. Если мне нужно смотреть на мир, я вижу его как обычный человек, как ты, например. Когда мне нужно видеть, я изменяю способ восприятия и вижу иначе.

— Вещи выглядят одинаковыми каждый раз, когда ты их видишь?

— Изменяются не вещи, а способ, которым ты их воспринимаешь. — Ты не понял. Возьмем, к примеру, дерево. Оно изменяется или остается одним и тем же каждый раз, когда ты его видишь?

— Изменяется, и в то же время остается таким же.

— Но если одно и то же дерево выглядит иначе всякий раз, когда ты его видишь, то не означает ли это, что все твоё видение — сплошная иллюзия?

Улыбнувшись, он некоторое время молчал, как бы собираясь с мыслями. Наконец он сказал:

— Когда ты на что-нибудь смотришь, ты не видишь. Ты просто констатируешь наличие чего-то определенного. Поскольку тебя не интересует видение, вещи, на которые ты смотришь, каждый раз выглядят для тебя более или менее одинаковыми. Но когда ты видишь, вещи никогда не бывают одними и теми же, и в то же время это те же самые вещи. Например, я говорил тебе, что человек выглядит, как яйцо. Каждый раз, когда я вижу одного и того же человека, я вижу яйцо. Но это не то же самое яйцо.

— Да, но если вещи никогда не бывают одними и теми же, то они неузнаваемы. Какой тогда смысл учиться видению?

— Чтобы различать. Видение — это восприятие истинной сущности. Когда видишь, воспринимаешь то, что есть в действительности.

— Значит ли это, что я не воспринимаю то, что есть в действительности?

— Не воспринимаешь. Твои глаза приучены только смотреть. Вот, к примеру, те трое мексиканцев, которых ты встретил на дороге. Ты запомнил их очень хорошо, даже описал мне их одежду, но это лишний раз подтверждает, что ты их не видел. Если бы ты мог видеть, ты бы сразу понял, что это — не люди.

— Что значит не люди? А кто же тогда?

— Не люди и все.

— Но этого не может быть. Это были такие же люди, как мы с тобой.

— Нет. И я в этом абсолютно уверен. — Что призраки, духи или, может, души умерших? Он

ответил, что не знает, кто такие призраки, духи и души. Я взял в машине Вэбстеровский словарь современного английского языка и перевел ему то, что там по этому поводу говорилось: «Призрак — предполагаемый бестелесный дух умершего человека. Считается, что П. является живым людям в виде бледного полупрозрачного видения».

И насчет духов:

«Дух — сверхъестественное существо..., под духами обычно понимаются призраки или подобного рода существа, обитающие в определенной местности и обладающие определенным (добрым или злым) характером».

Дон Хуан сказал, что тех троих можно было бы, пожалуй, назвать духами, хотя прочитанное мной определение не совсем им подходит.

— Может, это что-то типа хранителей? — спросил я.

— Хранителей? Нет, они ничего не хранят. — Тогда наблюдателей? Ну, которые наблюдают за нами и нас контролируют.

— Это просто силы, ни плохие, ни хорошие, просто силы, которых брюхо стремится заставить работать на себя.

— Это союзники, дон Хуан?

— Да, это — союзники человека знания.

Впервые за восемь лет нашего знакомства дон Хуан вплотную подошел к тому, чтобы дать определение союзника. Я просил его об этом десятки раз. Обычно он игнорировал мой вопрос, говоря, что мне и без того отлично известно, что такое союзники, и что глупо спрашивать о том, что и так знаешь. Прямое заявление о природе союзников было чем-то новым, и я решил не упускать случая как следует разобраться в этом вопросе.

— Ты говорил, что союзники содержатся в растениях — в дурмане и в грибах, — сказал я.

— Ничего подобного я не говорил, — убежденно возразил он. — Ты всегда переиначиваешь мои слова на свой лад.

— Постой, но в своей книге я именно так и написал.

— Ты можешь писать все, что хочешь, только не надо мне рассказывать, что якобы я такое говорил. Я напомнил ему: когда-то он рассказывал мне о дурмане как о союзнике своего бенефактора и говорил, что его собственный союзник — это дымок, а несколько позже уточнил, что в каждом растении содержится союзник.

— Нет. Это неверно, — хмуро заявил он. — Дымок — действительно мой союзник, но это не означает, что союзник содержится в курительной смеси, грибах или трубке. Просто все это вместе позволяет мне до него добраться, а почему я называю его дымком — мое личное дело.

Дон Хуан сказал, что те трое, которых я встретил на шоссе, были союзниками донна Висенте.

Тогда я напомнил ему его слова о том, что в отличие от Мескалито, увидеть которого достаточно легко, увидеть союзника невозможно.

После этого мы долго спорили. Дон Хуан утверждал, что, говоря о невозможности видеть союзников, он имел в виду их способность принимать любую форму. Когда я возразил, что о Мескалито он говорил то же самое, он прервал дискуссию, заявив, что «видение», о котором говорит он — это не обычное «смотрение», и что путаница возникает из-за моего стремления все облечь в слова.

Через несколько часов дон Хуан сам вернулся к теме союзников, хотя я молчал, чувствуя, что мои вопросы его раздражают. Он как раз показывал мне, как собирать ловушку для кроликов. Я держал длинную палку, согнув ее как можно больше, а он связывал ее концы прочной бечевкой. Палка была довольно тонкой, но чтобы удерживать ее в согнутом положении все равно требовались значительные усилия. Когда он, наконец, закончил, у меня дрожали руки,

шея затекла и мышцы свело от напряжения.

Мы сели передохнуть, и дон Хуан сказал, что пришел к выводу, что мне ничего не удастся понять, если я как следует об этом не поговорю. Поэтому он не возражает против того, чтобы я задавал вопросы, и попытается рассказать мне о союзниках все, что сможет. — Союзник не содержится в дыме. Дым доставляет тебя к союзнику, а когда ты становишься с ним одним целым, тебе уже больше не нужно использовать дым. С этого момента ты можешь управлять своим союзником при помощи воли и заставляя его делать все, что тебе потребуется. Союзники не бывают ни плохими, ни хорошими, это просто силы, которыми маги пользуются по своему усмотрению. Дымок нравится мне за верность и честность и еще за то, что не требует от меня слишком многого.

— Какими ты воспринимаешь союзников, дон Хуан? Для меня они выглядели обыкновенными людьми, по крайней мере, так я их воспринял. Как бы они выглядели для тебя?

— Как обыкновенные люди.

— Но как же тогда их отличить от настоящих людей?

— Люди, когда их видишь, имеют форму светящихся яиц. Союзник в образе человека всегда имеет форму человеческого тела. Именно это я имел в виду, когда говорил, что союзника невозможно увидеть. Союзников невозможно увидеть потому, что они всегда принимают чью-то форму — собак, койотов, птиц, даже перекасти-поля. Разница в том, что когда их видишь, они сохраняют форму того, чем прикидываются. Понимаешь? Каждое существо и каждый предмет имеет свойственную ему специфическую форму когда его видишь. Человек, например — форму светящегося яйца, другие существа — какие-то свои формы. Только союзники, — и когда их воспринимаешь в обычном режиме, и когда их видишь, — сохраняют одну и ту же форму, которую копируют. Эта форма достаточно совершенна, чтобы обмануть глаза. Я имею в виду глаза человека. Собаку или, скажем, ворону не проведешь.

— Получается, что они нас попросту дурачат. Но зачем?

— Я думаю, мы сами себя одурачиваем. Союзник всего лишь принимает форму чего-то, что есть в окружающем нас мире, а мы, в свою очередь, принимаем его за то, чем он не является. Разве он виноват в том, что мы не умеем видеть, а способны только смотреть на поверхность вещей?

— Мне непонятно их назначение, дон Хуан. Что союзники делают в мире?

— А что люди делают в мире? Я, например, не знаю. Мы существуем и все. Союзники — тоже существуют. Вполне возможно, что они были здесь и до нас.

— А что значит «до нас», дон Хуан?

— Люди не всегда были здесь. — Где это здесь — в этой стране или в этом мире?

Завязалась длинная дискуссия по этому поводу. Дон Хуан сказал, что для него существует только один мир — та земля, по которой он ходит. Я спросил, откуда он знает, что мы не всегда присутствовали в этом мире.

— Очень просто, — сказал он. — Люди знают о мире слишком мало. Койоты знают намного больше. Видимость вещей никогда не вводит их в заблуждение.

— Хорошо, а как же тогда людям удастся их ловить и убивать? — спросил я. — Если их не вводит в заблуждение видимость, почему они так легко умирают?

Дон Хуан молча смотрел на меня до тех пор, пока я не почувствовал смущение.

— Мы можем поймать, отравить или пристрелить койота, — сказал он, — Как бы мы ни убили его, он будет легкой добычей, потому что не знаком с нашими хитростями. Но если койот останется жив, можешь быть уверен, что он так просто уже не попадет. Хороший охотник это знает и никогда не ставит свои ловушки дважды на одном месте. Если койот погиб в капкане, то другие койоты видят его смерть, которая всегда бродит поблизости, и обходят капкан, а

возможно и всю эту местность, десятой дорогой. Люди не видят смерти своих собратьев, которая остается там, где они умерли. Человек может что-то смутно чувствовать, однако не видит.

— Койоты видят союзников?

— Конечно.

— А как они выглядят для койотов?

— Чтобы это знать, мне нужно было бы побыть койотом. Но я могу сказать, как выглядят союзники для ворон — нечто вроде колпака, широкое и круглое внизу и острое вверху. Некоторые светятся, но в большинстве случаев они очень тусклые и выглядят тяжелыми. Как мокрая тряпка. Неприятное зрелище.

— А какими видишь их ты, дон Хуан?

— Я же говорил — они сохраняют форму того, чем прикидываются. А принимать они могут любые формы каких угодно размеров — от бульжника до горы.

— Они говорят, смеются, издают какие-то звуки? — Среди людей они ведут себя как люди, среди животных — как животные. Животные обычно их боятся. Однако если они привыкают к союзнику, то реагируют довольно спокойно. Люди поступают примерно так же. Ведь среди нас — масса союзников, но мы можем только смотреть, и потому просто не замечаем их.

— Ты хочешь сказать, что некоторые из людей, которых я вижу на улице, не являются людьми? — в замешательстве спросил я.

— Некоторые не являются, — выразительно ответил он. Его заявление показалось мне полнейшим абсурдом, и в то же время я не мог допустить, что он сделал его только ради эффекта. Я сказал, что это похоже на научно-фантастические истории о пришельцах с других планет. Он заявил, что его мало волнует, на что это похоже, но в уличной толпе иногда попадаются союзники в человеческом облике.

— Почему ты считаешь, что все в толпе обязательно должны быть людьми? — спросил он очень серьезным тоном.

Я не мог объяснить этого ничем иным, кроме привычки, основанной на вере.

Он сказал, что ему очень нравится разглядывать толпу и видеть ее как скопление яйцеобразных существ. Но иногда среди множества светящихся яиц нет-нет да промелькнет фигура в форме человеческого тела.

— Весьма занятно, во всяком случае для меня, — со смехом сказал он. — Мне нравится сидеть в парках или на автостанциях и наблюдать. Иногда сразу же замечаешь союзника, иногда их нет, и повсюду только настоящие люди. Однажды я даже видел двух союзников сразу. Они сидели рядышком в автобусе. Но это был единственный такой случай.

— Этот случай имел для тебя какое-то особое значение? — спросил я. — Конечно. Все, что они делают, имеет значение. Из их действий маг иногда может извлечь силу. Даже если у брюхо нет «своего» союзника, он может управлять силой, если умеет видеть. Для этого он должен следить за действиями союзников. Задолго до того, как я обзавелся своим, мой бенефактор научил меня извлекать силу из действий других союзников. Я разглядывал толпы людей и каждый раз, когда видел союзника, тот меня чему-нибудь учил. Ты встретился сразу с тремя. Какой великолепный урок ты упустил!

Он замолчал и не говорил больше ничего до тех пор, пока мы не закончили собирать ловушку. Потом он повернулся ко мне и неожиданно, как бы вспомнив, сказал, что, если встречаешь двух союзников вместе, то они обычно относятся к одному типу и имитируют существ одного пола. В его случае оба были мужчинами. Я встретил двух мужчин и женщину, так что мой случай был вообще из ряда вон выходящим.

Я спросил, могут ли они копировать детей, и если могут, то какого пола; могут ли они

принимать формы людей разных рас или, скажем, семьи из трех человек — мамы, папы и ребенка. И, наконец, я спросил, не видел ли он союзника за рулем автомобиля или автобуса.

Дон Хуан молча слушал мою болтовню, но в ответ на последний вопрос весело рассмеялся. Он сказал, что я неточно формулирую вопросы. Надо было спросить, не видел ли он когда-нибудь союзника за рулем транспортного средства.

— Разве мотоциклы тебя не интересуют? — ехидно прищурившись, спросил он.

Его насмешка была добродушной, и я засмеялся вместе с ним.

Затем он объяснил, что союзники не в состоянии ни на что воздействовать и ничем управлять непосредственно, однако могут действовать косвенно, влияя на людей. Соприкасаться с союзниками опасно, потому что они способны вывести на поверхность все худшее в человеке. Путь ученичества так долог и тернист, потому что прежде чем входить в контакт с этими силами, человек должен исключить из своей жизни все лишнее, все, что не является жизненно необходимым, иначе ему не выдержать столкновения с ними. Дон Хуан сказал, что союзник при первой встрече заставил его бенефактора сильно обжечься, причем шрамы остались такие, словно тот побывал в лапах у горного льва. Самого дона Хуана союзник загнал в тлеющий костер, и он обжег себе колено и спину возле лопатки. Но после того, как он стал одним целым с союзником, шрамы постепенно исчезли.

10 июня 1968 года мы с доном Хуаном отправились на митоту. Ехать нужно было довольно далеко.

Я ждал этой возможности не первый месяц, но уверенности в том, что я хочу ехать, у меня все же не было. Я опасался, что на пейотном собрании мне придется принимать пейот, а это никак не входило в мои планы, о чем я не раз говорил дону Хуану. Поначалу он только посмеивался, но в конце концов твердо заявил, что ни о каких страхах слышать больше не желает. Я считал, что митота была идеальным случаем для проверки составленной мною схемы. Я так полностью и не отбросил идею о наличии на подобных мероприятиях скрытого лидера, функцией которого было приведение участников к некоторому общему соглашению. Мне казалось, что дон Хуан раскритиковал ее из каких-то своих соображений, считая более целесообразным объяснять все с точки зрения видения. Поэтому я думал, что мои попытки найти объяснение с собственных позиций просто не соответствовали его намерениям, что он ждал от меня чего-то другого. Отсюда и критика, которой он подверг мой рационализм. Для него это было достаточно характерно — он всегда отбрасывал то, что не укладывалось в его систему.

Лишь перед самым отъездом дон Хуан сказал, что берет меня на митоту в качестве наблюдателя, так что принимать пейот мне не потребуется. Я успокоился и даже ощутил некоторый подъем. Я был почти уверен, что на этот раз мне удастся раскрыть процедуру, при помощи которой участники митоты приходят к соглашению.

Мы выехали вечером, когда солнце уже клонилось к горизонту. Я чувствовал его лучи сбоку на затылке и жалел, что на заднем стекле моей машины нет жалюзи. Машина взобралась на вершину высокого холма. Дорога черной лентой стелилась по земле, волнами распластываясь посреди безлюдной огромной холмистой равнины, залитой золотом предзакатного солнца. Какое-то мгновение я смотрел, как она тянется строго на юг и возле самого горизонта скрывается за цепью невысоких гор. Потом мы начали спускаться.

Дон Хуан смотрел вперед и молчал. Мы ехали уже довольно долго, не произнося ни слова. В машине было очень жарко. Я опустил все стекла, но это не спасало, так как день был исключительно знойным. Меня это раздражало, и я высказался по поводу жары.

Дон Хуан нахмурился и насмешливо взглянул на меня.

— Во всей Мексике в это время жарко, сказал он. — Тут уж ничего не поделаешь. Я не смотрел на него, но знал, что он меня разглядывает. Набирая скорость, машина катилась вниз по склону. Краем глаза я заметил мелькнувший знак «vado» — «выбоина». Когда показалась сама выбоина, скорость была слишком большой и, хотя я успел немного притормозить, нас основательно тряхнуло. Я заметно сбавил скорость — в этих краях домашний скот свободно разгуливает и пасется у дороги, и скелет сбитой машиной коровы или лошади — явление довольно частое. Один раз даже пришлось остановиться, чтобы пропустить нескольких лошадей, переходивших шоссе. Мое раздражение все нарастало. Я сказал дону Хуану, что всему виной проклятая жара. С детства я обостренно реагировал на духоту — в жаркие дни мне буквально нечем было дышать.

— Но ты уже не маленький, — сказал он.

— Но жара остается жарой, и мне по-прежнему душно.

— Знаешь, когда я был ребенком, меня постоянно душил голод, — произнес он мягко. — Я не знал ничего, кроме постоянного жуткого чувства голода. Когда мне удавалось поесть, я набивал брюхо так, что не мог дышать. Но это было тогда. Теперь я уже не способен ни

задышаться от голода, ни обжираться как головастик. Мне нечего было сказать. Спорить было бессмысленно, потому что еще немного — и мне пришлось бы отстаивать совершенно нелепую точку зрения. Да и жара была не настолько страшной. На самом деле меня больше беспокоила перспектива тысячу километров без отдыха просидеть за рулем. Мысль о предстоящей усталости действовала на нервы.

— Давай остановимся и что-нибудь съедим, — сказал я. — Тем временем солнце зайдет; и будет уже не так жарко.

Дон Хуан с улыбкой посмотрел на меня и сказал, что на расстоянии нескольких сотен миль нет ни одного приличного городка, а я, насколько он понял, предпочитаю не питаться в придорожных забегаловках.

— Тебя что, уже не пугает дизентерия? — спросил он.

Я знал, что он издевается, хотя его тон и выражение лица не выдавали ничего, кроме искреннего любопытства. — На тебя поглядеть, — сказал он, — так дизентерия просто рыщет вокруг, подкарауливая, когда же, наконец, ты выйдешь из машины. Вот тут-то она и совершит свой коварный прыжок. Да, нечего сказать, плохи твои дела — если и улизнешь от жары, то непременно попадешь в лапы дизентерии.

Дон Хуан сказал это таким серьезным тоном, что я не выдержал и засмеялся. После этого мы долго ехали молча. К стоянке трейлеров Лос Виридос мы подъезжали уже в темноте. Мы остановились у двери кафе, и дон Хуан крикнул из машины:

— Эй, что у вас там сегодня на ужин?

— Свинина, — откликнулся женский голос.

— Надеюсь, что свинья попала под машину сегодня, иначе тебе несдобровать, — смеясь сказал мне дон Хуан.

Мы вылезли из машины. Дорога в этом месте была зажата между двумя цепями низких скалистых гор, напоминавших застывшую лаву, выброшенную каким-то гигантским вулканом. Черные зубчатые пики угрожающе вздымались в темноте и на фоне неба были похожи на стену стеклянных осколков. За ужином я сказал дону Хуану, что понял, почему это место называется Лос Виридос — «Стекла». Совершенно очевидно, что оно обязано этим названием остроконечным скалам, похожим на осколки стекла.

Дон Хуан убежденно сказал, что место назвали Лос Виридос потому, что здесь когда-то перевернулся грузовик со стеклом, осколки которого много лет валялись потом вдоль дороги.

— Что, серьезно? — спросил я, чувствуя, что он шутит.

— Почему бы тебе не спросить кого-нибудь из местных? — сказал дон Хуан.

Я спросил человека, который сидел за соседним столиком. Он извиняющимся тоном сказал, что не знает. Я прошел на кухню и спросил у женщин, которые там работали. Никто из них не знал. Стекла, и все. Просто так называется.

— Думаю, что я прав, — сказал дон Хуан. — Мексиканцы не одарены способностью замечать вещи вокруг себя. «Стеклянные» горы — это не для них. Зато вполне в их стиле оставить гору битого стекла валяться у дороги и не убирать его в течение нескольких лет.

Мы оба рассмеялись, потому что все это было действительно забавно.

После еды дон Хуан спросил меня, как я себя чувствую. Я сказал, что нормально, хотя на самом деле мне было немного не по себе. Дон Хуан пристально посмотрел на меня. Я понял, что он что-то заметил.

— Собираясь в Мексику, тебе следовало распрощаться со всеми своими страхами, к которым ты так равнодушен, — очень жестко сказал он. — Твое решение должно было уничтожить их. Ты приехал, потому что хотел приехать. Так поступают на пути воина. Я много раз тебе говорил: быть воином — это самый эффективный способ жить. Воин сомневается и

размышляет до того, как принимает решение. Но когда оно принято, он действует, не отвлекаясь на сомнения, опасения и размышления. Впереди — еще миллионы решений, каждое из которых ждет своего часа. Это — путь воина.

— Да я вроде так и делаю, дон Хуан, во всяком случае время от времени. Все-таки трудно следить за собой непрерывно.

— Когда воина начинают одолевать сомнения и страхи, он думает о своей смерти.

— Это еще труднее, дон Хуан. Для большинства людей смерть — это что-то неясное и далекое. Мы никогда всерьез не думаем о ней.

— Почему?

— А зачем?

— Зачем? Потому что идея смерти — единственное, что способно закалить наш дух.

Когда мы покидали Лос Виридос, было уже настолько темно, что зубчатые силуэты гор полностью растворились в небе. Больше часа мы ехали молча. Я устал. Говорить не хотелось, да и разговаривать было в общем-то не о чем. За все это время только несколько машин проехало по пустынной дороге нам навстречу. Казалось, что на юг по этому ночному шоссе, кроме нас, не ехал никто. Это было странно, и время от времени я поглядывал на зеркало заднего обзора, надеясь увидеть в нем хотя бы одну машину. Однако трасса позади нас была совершенно пустынной.

Спустя некоторое время я оставил это занятие и вернулся к размышлениям о перспективах нашей поездки. Вдруг я заметил, что свет моих фар стал каким-то слишком ярким на фоне окружающей тьмы. Я взглянул в зеркало и увидел яркое сияние. Затем словно из-под земли вырвались два снопа света. Это были фары машины на вершине холма позади нас. Некоторое время они были видны, а затем исчезли в темноте, будто их выключили. Через секунду они появились на другом бугре и снова исчезли. Так они то появлялись, то исчезали, а я следил за ними почти неотрывно, и это продолжалось довольно долго. В какой-то миг мне стало ясно, что та машина позади догоняет нас. Огни стали больше и ярче. Я до упора выжал педаль газа. Мне почему-то было не по себе. Дон Хуан, казалось, заметил мою озабоченность, а может, его внимание привлекло то, что я увеличил скорость. Он взглянул на меня, потом повернулся и посмотрел на фары позади нас.

Он спросил, все ли со мной в порядке. Я ответил, что на протяжении нескольких часов позади не было ни одной машины, а потом я неожиданно заметил свет фар машины, которая, похоже, все время нас догоняет. Дон Хуан кивнул и спросил:

— А ты уверен, что нас догоняет машина?

— Разумеется.

Дон Хуан сказал, что по моему тону и моему озабоченному виду он понял, что я чувствую — нас догоняет не просто машина. Я настаивал на том, что ничего такого не чувствую, а догоняет нас просто машина или трейлер.

— Ну что это еще может быть? — нервно спросил я.

Его намеки вывели меня из себя.

Он повернулся и посмотрел прямо не меня, потом медленно кивнул, как бы взвешивая то, что собирался сказать.

— Это огни на голове смерти, — сказал он мягко. — Она надевает их наподобие шляпы, прежде чем пуститься в галоп. То, что ты видишь позади — это огни на голове смерти, которые она зажгла, бросившись в погоню за нами. Смерть неуклонно преследует нас, и с каждой секундой она все ближе и ближе.

У меня по спине пробежал озноб. Какое-то время я не смотрел назад, а когда снова взглянул в зеркало, огней нигде не было видно.

Я сказал дону Хуану, что машина, должно быть, остановилась или свернула в сторону. Он не глянул назад, а лишь потянулся и зевнул.

— Нет. Смерть никогда не останавливается. Просто иногда она гасит огни. Но это ничего не меняет...

13 июня мы добрались до северо-восточной Мексики. Две очень похожие друг на друга старые индеанки, видимо, сестры, и четыре девушки стояли у двери небольшого дома. За домом виднелась какая-то хибара и разрушенный коровник, от которого осталась только одна стена и часть крыши. Женщины явно нас поджидали. Наверное, они заметили хвост пыли, тянувшийся за моей машиной. К дому от шоссе вела грунтовая дорога, на которую мы съехали за несколько миль от него. Дом стоял в глубокой долине, и от двери шоссе казалось длинным рубцом, прорезавшим склон зеленого холма. Дон Хуан вышел из машины и немного поговорил с женщинами. Они указали ему на деревянные табуретки, стоявшие у двери. Дон Хуан подозвал меня, и мы сели. Одна из старух осталась с нами, все остальные вошли в дом. Две девушки остались стоять в дверях, с любопытством изучая меня. Я помахал им, они захихикали и убежали в дом. Через несколько минут из дома вышли два молодых человека и поздоровались с доном Хуаном. Со мной они не говорили и даже не взглянули в мою сторону. Они немного посоветовались о чем-то с доном Хуаном, потом он поднялся, и все мы, включая женщин, отправились к другому дому, до которого было примерно полмили. Там было еще несколько человек. Дон Хуан вошел внутрь, велел мне оставаться на улице. Я заглянул в дом и увидел сидящего на табуретке старика-индейца, примерно такого же возраста, как дон Хуан.

Было не очень темно. Перед домом стоял старый грузовик, вокруг него расположилась группа молодых индейцев — мужчин и женщин. Я обратился к ним по-испански, но они явно не намерены были со мной общаться. Женщины хихикали после каждого моего слова, а мужчины вежливо улыбались и отводили глаза. Они делали вид, что не понимают меня, но я был уверен, что испанский они знают, — я слышал, как они говорили между собой на этом языке.

Через некоторое время дон Хуан и второй старик вышли из дома, подошли к грузовику и сели в кабину рядом с водителем. Это послужило сигналом, по которому все остальные забрались на платформу, заменяющую грузовику кузов. Платформа была без ограждения, и когда грузовик тронулся, все вцепились в длинную веревку, привязанную к каким-то крючкам на раме.

Грузовик медленно тащился по грунтовой дороге. В одном месте, где она слишком круто поднималась по склону холма, все спрыгнули и пошли за грузовиком. Два парня снова запрыгнули на платформу и сели с краю, не держась за веревку. Женщины смеялись и подзадоривали их. Дон Хуан и старик, которого все называли Сильвио, шли рядом и не обращали на молодежь никакого внимания. Когда дорога снова вышла на ровное место, все забрались обратно. Мы ехали около часа. Поверхность платформы была очень твердой и неудобной, поэтому я поднялся и всю дорогу ехал стоя, держась за крышу кабины. Наконец, машина остановилась возле группы строений. Там были еще какие-то люди, но уже совсем стемнело, и в тусклом желтоватом свете керосиновой лампы, висевшей над дверью одного из домов, я видел только трех-четыре человека.

Все слезли с платформы и разошлись по домам, но мне дон Хуан снова велел оставаться снаружи. Я стоял, облокотившись о крыло грузовика. Через пару минут подошли три молодых человека. С одним из них я был знаком — мы встречались, когда я был на митоте в прошлый раз. Он поздоровался со мной, пожав мои запястья, и прошептал по-испански:

— Ты молодец.

Мы тихо стояли возле грузовика. Было тепло. Мягко шелестел ночной ветер. Мой знакомый спросил, нет ли у меня сигарет. Я вытащил пачку, и все закурили. Присветив сигаретой, я посмотрел на часы: девять.

Вскоре из дома вышло несколько человек, и молодые люди, стоявшие рядом со мной у грузовика, ушли. Подошел дон Хуан и сказал, что объяснил собравшимся цель моего приезда, и что его объяснение всех устроило. Меня пригласили участвовать в митоте в качестве хранителя воды. Дон Хуан сказал, что отправляться нужно прямо сейчас.

Группа из десяти женщин и одиннадцати мужчин вышла из дома. Впереди шел крепкий мужчина лет сорока пяти. Его называли «Мочо» — прозвище, которое переводится как «резаный». Он двигался быстрым уверенным шагом. У него была керосиновая лампа, которой он время от времени помахивал из стороны в сторону. Сначала я думал, что эти движения получаются у него случайно, однако через некоторое время понял, что так он указывает идущим сзади на препятствия и трудные участки дороги. Мы шли больше часа. Женщины болтали и время от времени негромко смеялись. Дон Хуан и второй старик шли где-то впереди, а я плелся в самом хвосте, уставившись в землю и каждый раз тщетно пытаюсь разглядеть, куда лучше поставить ногу. Прошло уже четыре года с тех пор, как мы с доном Хуаном ночью ходили в горах, я потерял форму и все время спотыкался. Из-под ног у меня летели камни, колени не гнулись, а когда я наступал на бугорок, то казалось, что дорога прыгает на меня, а если под ногу попадалась выбоина, то чувство было таким, словно дорога предательски ныряет в какую-то пропасть. Я производил шума больше, чем любой из остальных, и поневоле сделался шутком. Каждый раз, когда я спотыкался, кто-то говорил «ух», и все смеялись. Когда в очередной раз я пнул камень и он угодил в пятку шедшей впереди женщине, она, к всеобщему удовольствию, громко сказала:

— Дайте бедняжке свечку!

Но и это было еще не все. Окончательно я опозорился немного погодя, когда, споткнувшись, начал падать и инстинктивно ухватился за кого-то впереди. Я повис на нем всем своим весом, и он тоже чуть не упал, издевательски заорав при этом не своим голосом. Все хохотали так, что пришлось остановиться.

Ведущий взмахнул фонарем вверх-вниз. Это означало, что мы пришли. Неподалеку справа маячил темный силуэт какого-то дома. Все разбрелись по сторонам. Я поискал дона Хуана. В темноте это было не так-то просто. Я шумно слонялся из стороны в сторону, пока не наткнулся на него. Он сидел на камне.

Дон Хуан еще раз напомнил мне, что моей задачей будет подавать воду участникам митоты. Несколько лет назад он учил меня, как это делается. Я все прекрасно помнил до мельчайших подробностей, но он настоял на том, чтобы я освежил процедуру в памяти, и еще раз показал мне как и что я должен делать.

Потом мы направились за дом, где собрались все мужчины. Там уже горел костер. Метрах в пяти от огня на чистой ровной площадке была сделана подстилка из соломенных циновок. Мочо — наш проводник — первым сел на подстилку. Я обратил внимание на то, что верхушка левого уха у него отсутствует. Видимо, этому он был обязан своим прозвищем. Дон Сильвио сел справа от него, дон Хуан — слева. Мочо сидел лицом к огню. Подошел молодой человек и поставил перед ним плоскую корзинку с пейотными бутонами, а сам сел между ним и доном Сильвио. Другой молодой человек принес еще две плоские корзинки и поставил их рядом с первой, а сам сел между Мочо и доном Хуаном. Еще два молодых человека сели между доном Сильвио и доном Хуаном, замкнув круг из семи человек. Все женщины оставались в доме. Два парня должны были всю ночь поддерживать огонь, а мальчик-подросток и я — следить за водой, которую нужно было дать участникам после окончания ритуала, который должен был длиться всю ночь. Мы с мальчиком сели возле камня. Огонь и сосуд с водой находились напротив друг друга на равном расстоянии от круга участников.

Мочо — ведущий — пропел свою пейотную песню, глаза его были закрыты, тело

покачивалось. Песня была очень длинной. Языка я не понимал. Затем все по очереди пропели свои пейотные песни. Я не заметил, чтобы они следовали какому-то заранее установленному порядку. Было совершенно очевидно, что каждый поет тогда, когда чувствует, что пришла его очередь. Затем Мочо взял корзинку, вынул два пейотных бутона и поставил ее на место. Дон Сильвио, а за ним дон Хуан сделали то же самое. Потом по два бутона взяли четверо молодых людей. У меня сложилось впечатление, что они вчетвером составляли как бы отдельную группу. Пейотные бутоны они тоже брали по очереди, против часовой стрелки.

Съев бутоны, все еще раз пропели свои пейотные песни и снова съели по два бутона. В общей сложности вся процедура повторилась четыре раза. Потом они пустили по кругу две другие корзинки, в которых были сушеные фрукты и мясо.

Весь этот цикл повторился в течение ночи еще несколько раз, но никакой системы в действиях каждого из них я не обнаружил. Они не разговаривали, более того, каждый был как бы наедине с собой. Я не заметил, чтобы хоть один из них обращал внимание на то, что делают остальные. Перед рассветом они встали, и мы с мальчиком дали им воды. Потом я пошел прогуляться и осмотреть местность. Дом оказался низкой саманной хижиной с крышей из хвороста. Пейзаж был довольно угнетающим — суровая равнина, поросшая кустами и кактусами. Деревьев не было вообще. Мне совершенно не хотелось бродить по округе.

Утром женщины ушли. Мужчины молча слонялись возле дома. Примерно в полдень все снова заняли свои места, и по кругу пошла корзинка с сушеным мясом, разрезанным на кусочки такого же размера, как бутоны пейота. Некоторые из мужчин пели свои пейотные песни. Примерно через час все встали и опять разбрелись в разные стороны.

Уходя, женщины оставили горшок каши для тех, кто следит за огнем и водой. Я немного поел и улегся спать.

Когда стемнело, мужчины, отвечавшие за огонь, разожгли костер, и начался новый цикл приема пейотных бутонов. В общих чертах в эту ночь все происходило в том же порядке, что и в предыдущую, и закончилось на рассвете.

В течение всей ночи я внимательно наблюдал за происходящим и тщательно записывал каждое движение каждого из семи участников в надежде наткнуться хоть на что-то, указывающее на существование вербальной или невербальной системы обмена информацией, но не заметил даже намека на подобное.

Вечером следующего дня все началось сначала. К утру я был уверен, что моя попытка обнаружить какие-то ключи окончилась полнейшим провалом. Никакого скрытого лидера, никакого обмена информацией, никакой системы соглашения. Весь день я провел в одиночестве, разбирая свои записи.

Когда вечером все собрались на четвертый цикл принятия пейоте, я вдруг понял, что эта ночь — последняя. Никто мне об этом не говорил, но каким-то образом я знал, что на следующий день все разъедутся. Я занял свое место возле воды. Остальные тоже расположились в прежнем порядке.

Поведение семерых участников, сидевших кружком на подстилке, было в точности таким же, как раньше. Как и в предыдущие ночи, я был полностью поглощен наблюдением за их действиями. Мне хотелось записать каждое движение, каждый звук, каждый жест.

В какой-то момент я услышал гудение, похожее на обыкновенный звон в ушах, и поначалу я не обратил на него особого внимания. Он усилился, все же не выходя за пределы обычных телесных ощущений. Я помню, что внимание как бы разделилось между людьми, за которыми я наблюдал, и звуком, который слышал. Это был переломный момент. Лица людей вдруг стали ярче, как будто включили свет. В то же время это не было похоже ни на электрический свет, ни на свет керосиновой лампы или вспыхнувшего костра. То, что я видел, скорее напоминало

люминесценцию, розовое свечение, очень размытое, но, тем не менее, заметное с того места, где я сидел. Звон в ушах, казалось, усиливался. Я взглянул на паренька, который был рядом со мной, но тот спал. К тому времени розовое свечение стало еще заметней. Я посмотрел на дона Хуана. Он сидел с закрытыми глазами. Мочо и дон Сильвио — тоже. Глаза молодых людей мне не были видны, потому что двое из них наклонились вперед, а двое сидели ко мне спиной.

Я еще глубже ушел в наблюдение, все еще не осознавая, что действительно слышу звон и вижу розовое свечение вокруг людей. Через минуту, однако, до меня дошло, что явления эти очень устойчивы. На мгновение я пришел в сильное замешательство, а потом вдруг возникла мысль, не имевшая ничего общего ни с происходящим, ни с целью моего приезда сюда. Я вспомнил слова, услышанные мною в детстве от матери. Воспоминание немного отвлекло меня, так как было совершенно неуместным, я попытался отбросить его и вновь сосредоточиться на наблюдении, но безуспешно. Мысль-воспоминание упорно возвращалась, становясь все более ярко выраженной. Она требовала от меня все большего внимания, и я вдруг ясно услышал голос матери, она звала меня. Послышалось шлепанье ее тапочек и смех. Я оглянулся, думая, что это какой-то мираж или галлюцинация и что сейчас я перенесусь во времени и пространстве и увижу мать. Но увидел только мальчика, мирно спящего рядом. Это встряхнуло меня и на какое-то мгновение отрезвило.

Я взглянул на мужчин. Они неподвижно сидели в прежних позах. Однако свечения уже не было. Отсутствовал и звон в ушах. Я облегченно вздохнул, решив, что галлюцинация с голосом моей матери закончилась. Ее голос был таким ясным и живым, что я чуть было не попался на него. Я мельком заметил, что дон Хуан смотрит на меня, но это не имело значения.

Я находился под гипнозом воспоминания о голосе зовущей меня матери и отчаянно пытался думать о чем-то другом. И вдруг снова раздался ее голос. Казалось, она стоит у меня за спиной. Она звала меня по имени. Я резко обернулся, но увидел только темный силуэт хижины и смутные пятна кустарника.

Звук моего имени полностью вывел меня из равновесия. Я невольно застонал. Мне стало очень холодно и одиноко. Я заплакал. Внезапно так захотелось, чтобы рядом был хоть кто-нибудь, кому я небезразличен. Я повернул голову, чтобы взглянуть на дона Хуана. Он смотрел на меня. Я не желал его видеть и закрыл глаза. Тогда мне явилась мать. Я не думал о ней как обычно — я отчетливо ее видел. Она стояла рядом. Я задрожал. Меня захлестнула волна отчаяния, хотелось убежать, исчезнуть. Видение матери болезненно не вязалось с тем, что я искал здесь, на этом пейотном собрании. Несоответствие было кошмарным, и не было никакой возможности сознательно от этого избавиться. Наверно, если бы мне действительно хотелось рассеять видение, то я бы открыл глаза, но почему-то продолжал внимательно его разглядывать, причем с особой тщательностью и скрупулезностью. Меня охватило необъяснимое чувство. Оно было очень странным и действительно охватывало меня, словно какая-то внешняя сила. Я вдруг почувствовал на себе ужасающую тяжесть материнской любви. Звук своего имени я был вырван из реальности, воспоминание о матери захлестнуло меня грустью и болью, но разглядывая ее, я вдруг понял, что никогда ее не любил. Никогда. Осознание этого меня потрясло. На меня вдруг обрушилась лавина мыслей и образов. Тем временем видение матери исчезло — оно больше не имело значения. И меня совершенно не интересовало, чем занимаются эти индейцы — я попросту забыл о митоте, погрузившись в поток необычных мыслей. Необычных потому, что это были, в общем-то, даже не мысли, а нечто большее — некие завершённые и целостные, эмоционально определенные и бесспорные в своей очевидности откровения относительно истинной природы моих взаимоотношений с матерью.

Неожиданно поток прервался. Мысли утратили текучесть и потеряли свойство целостного переживания. Я начал думать о чем-то другом, бессвязно и неопределенно, что-то о других

членах семьи, но уже без видений. Открыв глаза, я посмотрел на дону Хуана. Он стоял. Остальные — тоже. Они направились к воде. Я подвинулся и толкнул паренька, который все еще спал.

Как только мы сели в машину, я рассказал дону Хуану о своих поразительных видениях. Удовлетворенно засмеявшись, он сказал, что эти видения — знак, такой же важный, как и моя первая встреча с Мескалито. Я вспомнил, как дон Хуан объяснял происходившее со мной, когда я впервые принимал пейот. Тогда он посчитал это указанием на необходимость обучения меня своему знанию. Дон Хуан сказал, что в последнюю ночь митоты Мескалито указал на меня, причем настолько явно и с такой силой, что все вынуждены были повернуться в мою сторону. Поэтому они и смотрели на меня, когда я открыл глаза.

Я спросил его о своих нынешних видениях, но он сказал, что все это ерунда по сравнению со знаком.

Дон Хуан продолжал говорить о свете Мескалито, снизошедшем на меня, и о том, как это видели остальные.

— Это было что-то! — восхищенно произнес он. — Невозможно желать лучшего указания.

Наши мысли явно текли в разных направлениях. Его занимали явления, которые он считал знаком, меня — интерпретация деталей моих видений.

— Да не волнуют меня твои знаки! — сказал я. — Мне важно знать, что случилось со мной.

Дона Хуана, казалось, огорчили мои слова. Нахмурившись, он некоторое время сидел молча и неподвижно. Потом он сказал, что единственно важной была благосклонность ко мне Мескалито, который накрыл меня светом своей силы и преподнес мне урок, хотя я ничего для этого не сделал, а всего лишь находился рядом.

4 сентября 1968 года я вновь отправился в Сонору. По просьбе дона Хуана я остановился в Эрмосильо и купил ему агавовой самогонки — разновидности текилы, которую в Мексике называют «баканора». Просьба показалась мне странной, потому что дон Хуан не пил, тем не менее я купил четыре бутылки и сунул их в ящик к другим вещам, которые вез для него.

— Четыре бутылки. Ну ты даешь! — со смехом сказал дон Хуан, заглянув в ящик. — Я же просил одну. Ты решил, наверное, что это — для меня. Но я имел в виду Лусио. Отдай ему ее сам, ладно? Не говори, что от меня.

Лусио был внуком дона Хуана. Я познакомился с ним года два назад. Тогда ему было двадцать восемь. Он был высокого роста, где-то метр девяносто, и всегда не по средствам хорошо одет, чем выделялся среди окружающих. Большинство индейцев яки носят штаны цвета хаки или джинсы, соломенные шляпы и самодельные сандалии — «гуарачос». Лусио же обычно носил дорогой кожаный пиджак с черепаховыми пуговицами, шляпу «стетсон» и ковбойские сапожки, разукрашенные монограммами и ручной вышивкой.

Лусио был очень доволен подарком. Он сразу же унес бутылки в дом, видимо, собираясь их спрятать. Дон Хуан по этому поводу сказал, что не стоит прятать спиртное и пить потом в одиночку. На это Лусио ответил, что вовсе не собирался этого делать, а просто положил бутылки в надежное место — пусть полежат, пока он не пригласит друзей и не выпьет вместе с ними.

Вечером того же дня я снова приехал к дому Лусио. Было темно, и я едва разглядел под деревом два смутных силуэта. Это были Лусио и один из его приятелей. Они поджидали меня и проводили в дом, присвечивая карманным фонариком. Дом Лусио был неуклюжим саманным строением с двумя комнатами и земляным полом. Плоскую, как у всех домов индейцев яки, соломенную крышу поддерживали две довольно тонкие на вид балки из мескитового дерева. Дом был около семи метров длиной. Вдоль всего фасада тянулась «рамада» — типичное для домов яки сооружение, что-то типа навеса с крышей из неплотно уложенных прутьев и сухих веток. Рамаду никогда не кроют соломой, чтобы крыша не препятствовала свободному доступу воздуха. В то же время кровля из прутьев дает достаточно тени.

На пороге я тихонько включил магнитофон, который лежал в портфеле. Лусио представил меня приятелям. Всего в доме было восемь человек, включая дона Хуана. Они сидели кто на чем вдоль стен передней комнаты, под потолком которой к балке была прицеплена бензиновая лампа, заливавшая все ярким резким светом. Дон Хуан сидел на ящике. Я устроился прямо напротив него на краю скамейки из длинной балки, приколоченной гвоздями к двум вкопанным в пол чурбанам. Шляпа дона Хуана лежала на полу рядом с ящиком. Свет бензиновой лампы придавал его седым волосам жемчужно-белый оттенок и делал лицо темнее и старше, резко очерчивая и без того глубокие морщины на лбу и шее.

Я посмотрел на остальных. В зеленовато-белом свете лампы все они казались старыми и усталыми.

Лусио по-испански объяснил собравшимся, что пригласил их распить бутылку баканоры, которую я привез ему из Эрмосильо. Он сходил в другую комнату, принес бутылку, откупорил ее и протянул мне вместе с маленькой жестяной кружкой. Я налил пол-глотка, выпил и передал бутылку и кружку дальше. Баканора оказалась более ароматной и густой, чем обычная текила, но и более крепкой. Я закашлялся. Каждый налил себе и выпил, кроме дона Хуана. Он просто взял бутылку и поставил ее перед Лусио, который оказался крайним.

Все оживленно заговорили по поводу богатого букета именно этой баканоры и сошлись на

том, что напиток, несомненно, был изготовлен в высокогорье Чиуауа.

Бутылка обошла круг по второму разу. Все причмокивали губами, расхваливая ее содержимое. Завязалась оживленная дискуссия относительно заметного различия между текилой из Гвадалахары и баканорой с высокогорья Чиуауа. Дон Хуан опять не пил, я выпил очень мало, буквально несколько капель, остальные наливали по полной. Бутылка обошла третий круг и опустела.

— Принеси остальные, Лусио, — сказал дон Хуан. Лусио замер в нерешительности, а дон Хуан с простодушным видом похвастал, что я привез для Лусио не одну, а целых четыре бутылки баканоры.

Бениньо, молодой человек примерно одних лет с Лусио, взглянув на портфель, который я как бы невзначай поставил позади себя, спросил, не продавец ли я баканоры. Дон Хуан ответил, что нет, что я приехал в Сонору в действительности для того, чтобы повидаться с ним.

— Карлос изучает Мескалито, и я учу его, — сказал дон Хуан.

Все посмотрели на меня и вежливо улыбнулись. Бахеа, дровосек, — маленький худой человек с резкими чертами лица — пристально взглянул на меня и сказал, что лавочник утверждает, будто бы я — шпион американской компании, которая собирается открыть в Сонорской пустыне на землях яки какие-то рудники. Все дружно возмутились по поводу такого подозрения в мой адрес. Кроме того, они недолго любили лавочника, который был мексиканцем — «йори», как говорят индейцы.

Лусио сходил в другую комнату и принес еще одну бутылку. Открыв ее, он налил себе до краев, выпил, а потом передал бутылку дальше. Разговор вертелся вокруг вероятности того, что американцы откроют в Соноре свои рудники. Рассуждали, чем это чревато для индейцев яки. Бутылка вернулась к Лусио. Он приподнял ее и посмотрел на свет, много ли осталось.

— Успокой его, — прошептал мне дон Хуан. — Скажи, что в следующий раз привезешь больше.

Я наклонился к Лусио и шепотом заверил, что в следующий мой приезд он получит никак не меньше полудюжины бутылок.

В конце концов наступил момент, когда все темы были исчерпаны.

Тогда, обращаясь ко мне, дон Хуан громко сказал:

— Почему бы тебе не рассказать о своих встречах с Мескалито? По-моему, это будет намного интереснее, чем нудная болтовня про американцев и рудники в Соноре. — Мескалито — это что, пейот? Да, дед? — с любопытством спросил Лусио.

— Некоторые называют его так, — сухо ответил дон Хуан. — Я предпочитаю говорить «Мескалито».

— Эта дьявольская штука сводит с ума, — сказал Хенаро, высокий угловатый человек средних лет.

— Я думаю, глупо утверждать, что Мескалито сводит с ума, — мягко произнес дон Хуан. — Если бы это было так, вряд ли Карлос был бы сейчас здесь. Скорее всего, он сидел бы где-нибудь в смиренной рубашке, ведь ему доводилось встречаться с Мескалито. И вообще, Карлос — молодец.

Бахеа улыбнулся и скромно заметил:

— Кто знает?

Все засмеялись. — Ну хорошо, тогда возьмем меня, — сказал дон Хуан. — Я знаком с Мескалито почти всю жизнь, и ни разу он не причинил мне вреда.

Никто не смеялся, но было видно, что они не принимают это всерьез.

— С другой стороны, — продолжал дон Хуан, — он действительно сводит людей с ума, тут вы правы, но только тех, которые приходят к нему, не ведая, что творят.

Эскере, старик, по виду примерно ровесник дона Хуана, покачал головой и негромко хмыкнул.

— Что ты имеешь в виду под этим «не ведают, что творят», Хуан? — спросил он. — В прошлый раз я слышал от тебя то же самое.

— Люди в самом деле дуреют, когда нажмутся этого пейотного зелья, — снова вмешался Хенаро. — Однажды я видел, как индейцы-хиколо жрали его. Как будто с ними белая горячка приключилась. Они харкали, рыгали и ссали где попало. Если хавать эту дрянь, то можно заработать эпилепсию. Это мне как-то говорил сеньор Салас, инженер. А ведь эпилепсия — на всю жизнь, сами знаете.

— Да, это значит — быть хуже скотины, — грустно добавил Бахеа. — В случае с теми хиколо ты видел только то, что хотел видеть, Хенаро, — сказал дон Хуан. — Ты же не спросил у них самих, что это такое — встреча с Мескалито. Насколько я знаю, он еще никого не сделал эпилептиком. Что касается твоего инженера, так ведь он — «йори». Я не думаю, чтобы ему что-то было известно о Мескалито. Или, может, ты и вправду думаешь, что все те тысячи людей, которые с ним знакомы — психи?

— Ну, если не психи, то где-то около того. Надо быть психом, чтобы заниматься такими вещами.

— Хорошо, но если бы все эти люди были психами, кто бы за них работал? Как бы они умудрились прожить? — спросил дон Хуан.

— Макарио, ну, тот, который «оттуда» — из Штатов, говорит, что каждый, кто хоть раз принимал эту штуку, отмечен на всю жизнь, — сказал Эскере. — Макарио врет, — отрезал дон Хуан. — Я уверен: он понятия обо всем этом не имеет.

— Вообще-то Макарио — трепло изрядное, этого у него не отнимешь... — сказал Бениньо.

— Макарио — это кто? — поинтересовался я.

— Один индеец-яки. Живет здесь, — сказал Лусио. — Он говорит, что родом из Аризоны и что во время войны был в Европе. Большой любитель потрепаться.

— Хвастается, что был полковником, — вставил Бениньо. Все засмеялись. Некоторое время обсуждали невероятные рассказы Макарио. Но дон Хуан вернул разговор к теме Мескалито:

— Если всем известно, что Макарио — трепло, то с какой стати вы верите его болтовне о Мескалито?

— Это пейот, что ли, да, дед? — спросил Лусио с таким видом, будто бы с отчаянными усилиями продирался сквозь терминологические дебри.

— Вот черт! Да, — грубо и резко ответил дон Хуан.

Лусио непроизвольно выпрямился, и на мгновение я ощутил, что все они не на шутку испугались. Но дон Хуан широко улыбнулся и продолжал мягко и спокойно: — Неужто непонятно, что Макарио сам не знает, что плетет? Ведь это же очевидно — чтобы говорить о Мескалито, нужно знать.

— Снова ты за свое, — сказал Эскере. — Ты, между прочим, — еще похлеще Макарио. У него хоть что на уме — то и на языке, не важно, знает он это или нет. А от тебя годами я только и слышу — нужно знать, нужно знать... Что знать, скажи на милость?

— Дон Хуан говорит, что в пейоте есть дух, — сказал Бениньо.

— Я видел пейот — он растет в поле — но ни духов, ни чего-нибудь похожего не встречал никогда, — сказал Бахеа.

— Пожалуй, Мескалито и правда похож на дух, — объяснил дон Хуан. — Тем не менее ясности в этом вопросе не бывает, пока не узнаешь его сам. Эскере жалуется, что я годами твержу одно и то же. Он прав. Но разве моя вина в том, что вы не хотите понять? Бахеа говорит, что тот, кто принимает зелье, становится похожим на скотину. Мне так не кажется. Но зато я

думаю, что те, кто считает себя выше животных, на самом деле — хуже них. Вот мой внук. Он же вкалывает без отдыха. Я бы даже сказал, что он живет лишь затем, чтобы пахать, как мул. Из того, на что не способны животные, он занимается только одним — пьянствует.

Все рассмеялись. Звонче всех хохотал Виктор — совсем еще молодой парень, почти юноша.

Элихио, молодой фермер, до сих пор не проронил ни слова. Он сидел на полу справа от меня, прислонившись спиной к мешкам с удобрениями, сложенным в доме, чтобы их не намочил дождь. Элихио дружил с Лусио с детства. Ростом он был чуть пониже своего друга, но отличался атлетическим телосложением и выглядел очень сильным. Казалось, он заинтересовался тем, о чем говорил дон Хуан. Бахеа пытался что-то сказать, но Элихио опередил его.

— Каким образом пейот может все это изменить? — спросил он. — Мне кажется, человек рождается для того, чтобы всю жизнь работать. Мул — тоже. — Мескалито изменяет все, — сказал дон Хуан, — хотя бы мы и продолжали работать как все, как мулы. Я сказал, что в Мескалито есть дух, потому что изменения в человеке производит нечто, действительно похожее на дух. Дух, который можно увидеть, до которого можно дотронуться, дух, изменяющий нас, иногда не считаясь при этом с нашими желаниями.

— Конечно, для начала пейот делает тебя психом, — сказал Хенаро. — А после этого ты, разумеется, начинаешь воображать, что изменился. Верно?

— Каким образом он может нас изменить? — настаивал Элихио.

— Он учит нас правильному образу жизни, — ответил дон Хуан. — Он помогает тому, кто с ним знаком и защищает его. Ваша жизнь — это не жизнь вовсе. Ни один из вас понятия не имеет о радости сознательного действия. У вас нет защитника.

— Что ты хочешь этим сказать? — обиженно воскликнул Хенаро. — Есть у нас защитники. Господь наш Иисус Христос, Святая Дева Мария, маленькая Дева Гваделупская... Разве это не защитники?

— Ого, целый букет, — усмехнулся дон Хуан. — Ну и как, научили они тебя жить лучше?

— Это потому что люди их не слушаются, — возразил Хенаро. — Люди обращают внимание только на дьявола.

— Если бы они действительно были защитниками, то заставили бы себя слушаться, — сказал дон Хуан. — Когда Мескалито становится твоим защитником, его слушаешься, как миленький, и деться никуда не можешь. Ты видишь его, и не в твоих силах не следовать его указаниям. Он заставляет относиться к нему с уважением. Не так, как вы привыкли обращаться со своими защитниками.

— Ты о чем это, Хуан? — спросил Эскере.

— О чем? Да о том, как вы с ними общаетесь. Один пикирует на скрипке, танцор натягивает маску и разные побрякушки, а остальные напиваются до бесчувствия. Бениньо, ну-ка расскажи? Ты же был танцором.

— Я бросил через три года, — сказал Бениньо. — Это слишком тяжелая работа.

— Спроси вон у Лусио, — ехидно вставил Эскере, — Он бросил через неделю. Все, кроме дона Хуана, засмеялись. Лусио натянуто улыбнулся и отхлебнул два больших глотка баканоры. Замечание явно пришлось ему не по вкусу.

— Это не тяжелая работа, а идиотизм, — сказал дон Хуан. — Ты бы спросил у Валенсио, танцора, нравится ли ему танцевать? Нет. Я не раз видел, как он это делает, и всегда он повторяет одни и те же скверно исполненные движения. Он не гордится своим искусством. Разве что когда надо потрепаться... Он не любит свое дело, поэтому из года в год нудно повторяет одно и то же. Все, что было в его танце бездарного, с годами только закрепилось. А теперь он считает, что так и должно быть.

— Просто его так научили, — сказал Элихио, — Я тоже когда-то был танцором в Ториме. Танцевать приходится так, как тебя учат. — В конце концов, Валенсио — далеко не лучший, — сказал Эскуэре, — Есть и другие. Вот Сакатека...

— Сакатека — человек знания, он вам не чета — совсем другой класс, — резко сказал дон Хуан. — Он танцует потому, что такова склонность его природы. Я имел в виду не это. Вы — не танцоры и не можете наслаждаться танцем. Если кто-то будет танцевать красиво, вы, возможно, получите удовольствие. Правда, для этого нужно довольно много знать о танце. Я сомневаюсь в том, чтобы кто-то из вас знал достаточно. Поэтому все вы — просто пьяницы. Взгляните хотя бы на моего внука!

— Перестань, дед, — запротестовал Лусио.

— Не ленив и не глуп, — продолжал дон Хуан, — но чем он занимается, кроме пьянства?

— Покупает кожаные пиджаки, — сказал Хенаро, и все расхохотались.

Лусио глотнул еще баканоры.

— Ну и как пейот может все это изменить? — настаивал Элихио.

— Если бы Лусио начал искать защитника, — сказал дон Хуан, — вся бы его жизнь изменилась. Я не знаю, как именно, но в том, что она стала бы другой, не сомневаюсь ни минуты.

— Он что, бросил бы пить, да? — не отставал Элихио. — Да, наверно. Чтобы жизнь удовлетворяла его, ему понадобилось бы что-то, кроме текилы. Это что-то, чем бы оно ни было, даст ему защитник.

— Но тогда пейот должен быть очень вкусным, — сказал Элихио.

— Я этого не говорил, — возразил дон Хуан.

— Черт возьми, тогда я не понимаю. Как можно получать от него удовольствие, если он противный? — недоумевал Элихио.

— Он позволяет более полно наслаждаться жизнью, — объяснил дон Хуан.

— Какое может быть наслаждение, если вкус у него дерьмовый? — не унимался Элихио. Бред какой-то.

— Ничего подобного, все правильно, — убежденно вставил Хенаро. — Ты становишься психом и автоматически наслаждаешься жизнью. Неважно, чем ты при этом занимаешься.

Все опять засмеялись.

— Все правильно, — невозмутимо продолжал дон Хуан. — Вы прикиньте, как мало мы знаем и как много могли бы увидеть. Пьянство — вот что делает людей психами. Оно затуманивает мозги, путая все на свете, Мескалито — наоборот, все обостряет. Человек начинает видеть ясно и четко. Очень ясно и очень четко.

Лусио и Бениньо насмешливо переглянулись. Все это они слышали уже не раз. Хенаро и Эскере вдруг заговорили одновременно. Виктор ржал, заглушая всех остальных. Единственным заинтересовавшимся казался Элихио.

— Как пейот все это делает? — спросил он.

— Прежде всего, человек должен хотеть познакомиться с Мескалито. Я даже склоняюсь к мысли, что это — едва ли не самое главное. Затем нужно, чтобы этого человека представили Мескалито. Ну а потом должно быть еще много встреч, прежде чем он сможет с уверенностью утверждать, что знает Мескалито.

— А потом? — спросил Элихио.

— Потом он лезет на крышу, а задница остается на земле, — вставил Хенаро. Все взревели от хохота.

— То, что происходит потом, полностью зависит от человека, — не теряя самообладания, продолжал дон Хуан. — С Мескалито следует общаться без страха, тогда постепенно он научит,

как изменить жизнь в лучшую сторону.

Пауза была довольно долгой. Все порядком устали, бутылка опустела. Лусио, явно преодолевая себя, принес и откупорил еще одну.

— Что, пейот и Карлоса тоже защищает? — спросил Элихио как бы в шутку.

— Откуда мне знать? — сказал дон Хуан. — Спроси его самого, он принимал его трижды.

Все с интересом повернулись ко мне, а Элихио спросил:

— Что, правда?

— Да. Создалось впечатление, что дон Хуан добился своего. То ли они в самом деле заинтересовались, то ли были слишком вежливы, чтобы рассмеяться мне в лицо.

— Ну и как, во рту пекло? — спросил Лусио.

— Очень! И вкус у него отвратительный.

— Зачем же тогда ты его ел? — изумился Бениньо.

Пугано и сложно я начал объяснять, что для западного человека познания дона Хуана в пейоте — чуть ли не самая изумительная вещь на свете. Еще я говорил, что все, сказанное доном Хуаном — истинная правда, и каждый может легко проверить это на себе.

Я заметил, что они слегка усмеваются, как бы пытаюсь скрыть легкое презрение, и разозлился, осознавая всю неуклюжесть своих потуг и неспособность убедительно изложить то, что было у меня на уме. Я сделал еще попытку, но вдохновения больше не было, и получилось только пережевывание того, что уже сказал дон Хуан.

Он пришел мне на помощь, ободряюще спросив:

— Правда ведь, что ты не искал защитника, когда впервые пришел к Мескалито? Я сказал, что не знал тогда об этом качестве Мескалито и что мною двигало только любопытство и страстное желание с ним познакомиться.

Дон Хуан сказал, что Мескалито очень хорошо со мной обошелся, потому что мое намерение было безупречным.

— Но все равно ты рыгал и ссал где попало, да? — гнул свою линию Хенаро.

Я сказал, пейот обладает и таким действием, и что я тоже испытал его на себе. Все сдержанно засмеялись. Я почувствовал, что их презрение ко мне не только не уменьшилось, но даже несколько возросло. Все, кроме Элихио, потеряли к этой теме всякий интерес; он же внимательно меня разглядывал.

— Что ты видел? — спросил он.

Дон Хуан потребовал, чтобы я вспомнил все или хотя бы почти все подробности моих опытов с пейотом. Я полностью описал формы и последовательность переживаний. Когда я закончил, Лусио заявил: — Ну, если в пейоте сидит такой дьявол, то я рад, что не имел с ним дела.

— Ага, я же говорил, — заметил Хенаро, обращаясь к Бахеа, — это штука точно делает людей психами.

— Но сейчас-то Карлос в своем уме. Как насчет этого? — возразил дон Хуан.

— А откуда нам знать? — парировал Хенаро.

Все, включая дону Хуана, засмеялись.

— Страшно было? — спросил у меня Бениньо.

— Конечно.

— Зачем же ты тогда ввязался в это дело? — поинтересовался Элихио.

— Так ведь он сказал — хотел знать, — ответил за меня Лусио. — Похоже, Карлос намерен сделаться таким, как мой дед. И тот, и другой твердят, что хотят знать, но какого черта они хотят знать — не имеет понятия никто.

— Объяснить это знание невозможно, — сказал дон Хуан, обращаясь к Элихио, — Оно

индивидуально. Общее — только в том, что Мескалито раскрывает свои тайны каждому лично, один на один. Тому, кто настроен подобно Хенаро, я бы не советовал с ним знакомиться. Однако вполне возможно, что, несмотря на его настрой, Мескалито мог бы ему здорово помочь. Но узнать об этом не дано никому, кроме самого Хенаро. Это и есть то знание, о котором я говорил. Дон Хуан поднялся.

— Пора по домам, — сказал он. — Лусио напился, а Виктор уже спит.

Через два дня, 6 сентября, Лусио, Бениньо и Элихио зашли в дом, где я остановился. Мы собирались сходить в чаппараль поохотиться. Какое-то время они сидели молча, а я дописывал что-то в своем блокноте. Потом Бениньо вежливо засмеялся, как бы предупреждая, что сейчас сообщит нечто очень важное.

После предварительного интригующего молчания он снова хихикнул и сказал:

— Вот тут Лусио говорит, что не прочь попробовать пейот...

— Что, серьезно? — Да, — отозвался Лусио, — я не возражаю.

Бениньо сдавленно хихикал.

— Лусио говорит, что будет жрать пейот, если ты купишь ему мотоцикл.

Лусио и Бениньо переглянулись и оглушительно захохотали.

— Сколько в Штатах стоит мотоцикл? — спросил Лусио.

— Думаю, долларов за сто можно найти, — ответил я.

— Там ведь это не очень много, да? Ты вполне мог бы ему привезти, правда? — спросил Бениньо.

— Ладно, только сначала спросим у твоего деда, — сказал я, обращаясь к Лусио.

— Э, нет, — протянул он. — Деду — ни слова, он все испортит. Он — дьявол. Да к тому же стар и малость не в себе, поэтому не соображает, что делает.

— Когда-то он был настоящим магом, — добавил Бениньо. — Это правда... Мои старики говорят, что он был самым сильным из всех магов. Но потом пристрастился к пейоту и превратился в тряпку. Теперь он уже слишком стар.

— Только и знает, что несет всякие дурацкие байки о пейоте, — присоединился Лусио, — Только это все — брехня, — сказал Бениньо. — Мы как-то раз попробовали. Лусио спер у него целый мешок. Вечером по дороге в город мы эту гадость зажевали. Дерьмо редкостное. Чуть не разодрал мне всю пасть на куски. Сукин сын! Как будто черта жуешь... Прямо с рогами.

— А вы его глотали? — спросил я.

— Выплюнули, — сказал Лусио, — и весь чертов мешок выкинули.

Им обоим этот случай казался очень смешным. Элихио тем временем молчал. Он сидел с отсутствующим видом и даже не смеялся.

— А ты не хочешь попробовать, Элихио? — спросил я.

— Нет. Только не я. Даже за мотоцикл.

Лусио и Бениньо снова дико захохотали — их развеселил ответ Элихио.

— Но, по правде говоря, — продолжал он, — дон Хуан меня порядком озадачил. — Дед уже слишком стар, чтобы что-то знать, — убежденно заявил Лусио.

— Да, слишком стар, — словно эхо отозвался Бениньо. Я подумал, что их мнение о доне Хуане было инфантильным и необоснованным, и счел своим долгом вступиться. Я сказал, что дон Хуан, как и прежде, остается великим магом, может быть, величайшим из всех. В нем есть что-то необыкновенное, и я это чувствую. Я предложил им вспомнить, что ему уже далеко за семьдесят, но он энергичнее и сильнее всех нас вместе взятых, и сказал, что они сами могут в этом убедиться, проследив за ним.

— За дедом невозможно следить, — гордо объявил Лусио. — Ведь он — брухо.

Тогда я напомнил, как только что они заявляли, что он слишком стар и выжил из ума. Я

сказал, что, если человек не в себе, то ему не под силу контролировать ситуацию, а собранность и четкость действий дон Хуана меня каждый раз поражают.

— Никто не способен шпионить за брухо, даже если тот стар, — авторитетно заявил Бениньо. — Хотя, когда он спит, на него все же можно напасть. Так поступили с Сэвикасом. Все устали от его черной магии и потому убили. Я попросил рассказать об этом подробнее, но они сказали, что это случилось давно, когда их еще не было на свете, или когда они были совсем маленькими. Элихио добавил, что многие до сих пор считают, что Сэвикас был просто дураком, потому что настоящему магу никто ничего сделать не в силах. Я попытался вытянуть из них еще что-нибудь о магах и магии, но эта тема была им не интересна. Вдобавок, им не терпелось отправиться пострелять из моего ружья двадцать второго калибра.

Мы молча продирались сквозь густой чаппараль. Спустя некоторое время Элихио, шедший первым, обернулся и сказал мне:

— Может, и правда, это мы — психи? И дон Хуан прав? Посмотри, как мы живем...

Лусио и Бениньо это не понравилось. Я стал на сторону Элихио, заявив, что тоже чувствую ущербность своего образа жизни. Бениньо заметил, что мне жаловаться — грех: у меня есть деньги и машина. Я возразил, что у каждого из них есть хотя бы клочок земли, а у меня — нет. Они в один голос заявили, что земля принадлежит не им, а федеральному банку. Я сказал, что и машина — не моя, я только арендую ее у Калифорнийского банка, так что живу ничуть не лучше их, просто иначе. К тому времени мы уже забрались в самую чащобу.

Ни олени, ни дикие свиньи нам в этот раз так и не попались. Зато мы подстрелили трех кроликов. На обратном пути зашли к Лусио, и он объявил, что его жена собирается сделать из них жаркое. Бениньо отправился в лавку за бутылкой текилы и лимонадом. Вернулся он вместе с доном Хуаном.

— Где это ты встретил деда? Он что, зашел в лавку за пивом? — со смехом спросил Лусио.

— Поскольку я не приглашен на вашу сходку, — сказал дон Хуан, — я только на минутку — узнать, собирается ли Карлос в Эрмосильо. Я сказал, что планирую выехать завтра. Пока мы говорили, Бениньо раздал бутылки с лимонадом. Элихио отдал свою бутылку дону Хуану. У индейцев яки считается верхом невежества отказываться от того, что тебе дают. Даже из самых благородных побуждений. Поэтому дон Хуан спокойно взял бутылку. Я отдал свою Элихио, он тоже не мог отказаться. Бениньо, в свою очередь, отдал мне свою. Но Лусио, который заранее прикинул всю схему хороших манер индейцев яки, свой лимонад к этому моменту уже прикончил. Он повернулся к Бениньо, на лице которого застыло выражение сознания выполненного долга, и со смехом сказал:

— Тебя надули на бутылку!

Дон Хуан заявил, что вообще-то никогда не пьет лимонад, и сунул свою бутылку в руки Бениньо. Все уселись в тени рамады и замолчали.

Чувствовалось, что Элихио нервничает. Он теребил поля своей шляпы, а потом обратился к дону Хуану:

— Я думал о том, что ты рассказывал тогда вечером. Но как же все-таки может пейот изменить нашу жизнь? За счет чего? Дон Хуан не ответил. Какое-то мгновение он пристально смотрел на Элихио, а потом запел на языке яки. Это была даже не песня, а короткий речитатив. Все долго молчали. Я попросил дон Хуана перевести мне слова песни.

— Это — только для яки, — ответил он тоном, исключавшим всякую возможность дальнейших расспросов.

Мне стало досадно — он пел о чем-то очень важном, я чувствовал это, но поделать ничего не мог.

— Элихио — индеец. Как у всякого индейца, у него нет ничего. Ни у кого из нас нет ничего.

Все, что ты видишь вокруг, принадлежит «йори». У яки есть только их гнев и то, что бесплатно дает им земля.

Какое-то время все молчали, а потом дон Хуан встал, и, попрощавшись, ушел. Мы смотрели ему вслед, пока он не свернул за угол. Всем было явно не по себе. Лусио растерянно объяснил, что дед ушел, потому что терпеть не может жаркое из кроликов. Элихио был погружен в какие-то свои мысли. Бениньо повернулся ко мне и громко сказал:

— Я думаю, Бог еще покарает и тебя, и дона Хуана за все ваши фокусы.

Лусио засмеялся. Бениньо — тоже, — Ты паясничаешь, Бениньо, — угрюмо произнес Элихио. — несешь бред, который ни черта не стоит.

15 сентября 1968

Была суббота, девять вечера. Дон Хуан сидел напротив Элихио посреди рамады дома Лусио. Между ними лежал мешок с пейотом. Дон Хуан раскачивался и пел. Лусио, Бениньо и я сидели метрах в трех позади Элихио, спинами прислонившись к стене. Сначала было совсем темно, так как до этого мы ждали дона Хуана в доме, освещенном керосиновой лампой. Потом он появился, велел нам выйти на рамаду и показал каждому, где разместиться. Спустя некоторое время глаза привыкли к темноте, и я смог как следует всех рассмотреть. Элихио был охвачен диким ужасом. Тело его тряслось, он стучал зубами и никак не мог взять себя в руки. Голова подергивалась, спина то и дело спазматически выпрямлялась. Дон Хуан заговорил с ним. Он сказал, что бояться нечего, нужно довериться защитнику и ни о чем другом не думать. Спокойным, даже слегка небрежным движением он вытащил из мешка один бутон, протянул его Элихио и велел медленно жевать. Элихио по-щенячьи заскулил и выпрямился. Его дыхание участилось, грудная клетка заходила ходуном, как кузнечный мех. Он снял шляпу, вытер лоб и закрыл лицо ладонями. Мне показалось, что он плачет. Наступила длинная напряженная пауза, а потом он в какой-то степени овладел собой. Выпрямившись и продолжая держать одну руку возле лица, он протянул вторую за бутонем, взял его, положил в рот и начал медленно жевать.

Я почувствовал огромное облегчение. До этого момента я как-то не отдавал себе отчета, что боюсь, пожалуй, не меньше Элихио. Во рту появилась характерная сухость, вроде той, которую дает пейот. Я почувствовал напряжение. Дыхание участилось. По мере того, как ритм его возрастал, я начал непроизвольно постанывать.

Дон Хуан стал напевать громче. Потом он дал Элихио еще один бутон, а когда тот его прожевал, протянул ему какой-то сушеный плод и велел жевать так же медленно, как пейот. Несколько раз Элихио вставал и ходил в кусты. Один раз — попросил воды. Дон Хуан сказал, чтобы он не пил, а только прополоскал рот.

Элихио сжевал еще два бутона, а потом дон Хуан дал ему сушеного мяса.

К тому времени я уже почти заболел от нетерпения. Вдруг Элихио опрокинулся вперед, ударившись о землю лбом. Он перекатился на левый бок и судорожно дернулся. Я посмотрел на часы. Двадцать минут двенадцатого. Больше часа Элихио катался по земле, дергался и стонал.

Дон Хуан неподвижно сидел напротив. Его пейотные песни перешли в неясное бормотание. Бениньо, сидевший справа от меня, без особого внимания следил за происходящим. Лусио склонился на бок и храпел.

Элихио лежал на правом боку, свернувшись калачиком и зажав руки между ног. Неожиданно мощным рывком он перевернулся на спину и застыл со слегка согнутыми ногами. Левая рука начала очень свободно и грациозно двигаться вверх-вниз. Затем такие же движения стала совершать правая, и, наконец, обе руки вошли в единый ритм, поочередно мягко, медленно и плавно взлетая и опускаясь так, словно Элихио играл на невидимой арфе. Постепенно движения ускорились. Предплечья заметно вибрировали, поднимаясь и опускаясь наподобие поршней. При этом кисти совершали плавные круговые движения в лучезапястных суставах, а

пальцы сгибались и разгибались. Это было прекрасное, гармоничное и даже какое-то гипнотизирующее зрелище. Никогда до этого мне не приходилось сталкиваться со столь идеальным ритмом и несравненным мышечным контролем.

Затем Элихио медленно поднялся, как бы цепляясь за некую обволакивающую его трясущееся тело силу. Он покачнулся, а потом рывком встал и выпрямился. Руки, туловище и ноги вздрагивали, как будто через них проходили импульсы электрического тока. Казалось, что ими движет какая-то сила, неподвластная воле Элихио.

Бормотание дона Хуана стало очень громким. Лусио и Бениньо проснулись и какое-то время равнодушно за всем этим наблюдали. Потом они снова заснули. Элихио, казалось, поднимается все выше и выше. Он явно куда-то взбирался. Он перебирал руками, как бы цепляясь за что-то, для меня невидимое, останавливался, чтобы перевести дух, и вновь пускался в путь.

Я хотел рассмотреть его глаза и попытался придвинуться поближе, но свирепый взгляд дона Хуана вернул меня на место.

Вдруг Элихио прыгнул. Это был решающий, грандиозный прыжок. Элихио достиг цели. Он всхлипывал, пытаясь отдышаться. Казалось, что он повис, вцепившись в какой-то выступ. Но что-то отталкивало его, и оно было сильнее. Элихио боролся изо всех сил и отчаянно цеплялся, но в конце концов хватка его ослабла, и он начал падать. Тело выгнулось назад, от головы до кончиков пальцев ног по нему пробежала волна, движение было конвульсивным, но очень координированным и красивым. Оно повторилось раз сто, прежде чем Элихио мешком рухнул навзничь. Спустя некоторое время он вытянул руки перед собой, как бы от чего-то заслоняясь. Он лежал на животе, выпрямив ноги и приподняв их сантиметров на пятнадцать над полом. Поза была такой, словно он скользил или летел вперед с немыслимой скоростью. Голова до предела откинулась назад, сцепленными в замок руками он прикрывал глаза. Я почувствовал, как вокруг него свистит ветер, ахнул и невольно вскрикнул. Лусио и Бениньо проснулись и с любопытством посмотрели на Элихио.

— Если ты пообещаешь, что привезешь мотоцикл, я буду жевать эту штуку прямо сейчас, — громко заявил Лусио.

Я посмотрел на дона Хуана. Тот отрицательно покачал головой.

— Сукин сын! — буркнул Лусио и опять уснул.

Элихио встал и, сделав пару шагов по направлению ко мне, остановился. Он счастливо улыбался. Потом он начал насвистывать какую-то мелодию. Простую, всего лишь с парой повторяющихся переходов. Чистого звука не получалось, но гармония была. Спустя какое-то время свист стал отчетливей, а потом ясно вырисовалась и сама мелодия. Похоже было, что Элихио невнятно бормотал слова песни. Он повторял их несколько часов. Песня была очень простая, монотонная, с бесконечными повторами, но в то же время странно красивая.

Пока Элихио пел, он словно на что-то внимательно смотрел. Когда он оказался рядом со мной, я разглядел в полумраке его глаза — застывшие, как бы остекленевшие. Он улыбался, посмеивался, садился, снова вставал и начинал бродить вокруг со стонами и тяжкими вздохами.

Вдруг что-то толкнуло его в спину. Сила горизонтального толчка была такой огромной, что он колесом изогнулся назад. В какой-то момент его тело образовало почти замкнутое кольцо — он стоял на носках и касался руками земли. Потом мягко упал на спину и вытянулся во весь рост в странном оцепенении.

С минуту он стонал, что-то бормоча, а потом захрапел. Дон Хуан укрыл его пустыми мешками. Было уже утро — без двадцати шесть. Лусио и Бениньо спали, сидя у стены и склонившись головами друг к другу. Мы с доном Хуаном долго молчали. Он выглядел очень уставшим. Я нарушил молчание и спросил об Элихио. Он ответил, что свидание Элихио с

Мескалито было исключительно удачным; Мескалито при первой же встрече научил его песне, а это — редчайший случай.

Я спросил, почему он не разрешил Лусио попробовать за мотоцикл. Он сказал, что Мескалито мог убить Лусио, если бы тот осмелился приблизиться к нему с таким мотивом. Дон Хуан признался, что очень тщательно все подготовил, рассчитывая убедить своего внука. Решающее значение он придавал моей дружбе с Лусио. Дон Хуан сказал, что очень любит Лусио и беспокоится о его судьбе. Когда-то они жили вместе, и у него с внуком были очень теплые отношения. Но в семь лет Лусио смертельно заболел, и сын дона Хуана, ревностный католик, пообещал Святой Деве Гваделупской отдать мальчика в школу обрядовых танцев, если тот поправится. Лусио не умер, и его заставили выполнить обет отца. Проучившись всего неделю, мальчик решил нарушить клятву. Он думал, что в результате должен умереть, всячески изводил себя и целыми днями ждал смерти. Все смеялись над ним, и случай этот не забылся. Дон Хуан долго молчал, погрузившись в свои мысли.

— Я рассчитывал на Лусио, — сказал он, — а вместо него нашел Элихио. Я знал, что это — бесполезно, но если кого-то любишь, ты должен действовать настойчиво, с верой в то, что человека можно изменить. В детстве Лусио обладал мужеством, но с годами растерял его.

— А если его заколдовать?

— Заколдовать? Зачем?

— Чтобы вернуть ему мужество.

— Нет. Человека нельзя сделать мужественным. Можно сделать безвредным, больным, немым. Но никакая магия и никакие ухищрения не в силах превратить человека в воина. Чтобы стать воином, нужно быть кристально чистым. Как Элихио. Вот — человек мужества.

Элихио мирно похрапывал под мешками. Уже совсем рассвело. В пронзительной голубизне неба не было ни облачка.

— Что угодно отдам, только бы узнать, где был Элихио, — сказал я. — Ты не возражаешь, если я спрошу его о ночном путешествии?

— Ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах ты не должен этого делать.

— Но почему? Я же рассказываю тебе обо всех своих переживаниях.

— Это — совсем другое. Ты не склонен держать все при себе. Элихио — индеец. Это путешествие — единственное, что у него есть. Жаль, конечно, что не Лусио...

— И что, ничего нельзя сделать, дон Хуан?

— Ничего. Невозможно вставить в медузу кости. Я поступал глупо.

Появилось солнце, розово-оранжевым светом резанув по утомленным глазам.

— Тысячу раз ты говорил мне, дон Хуан, что маг не может делать глупостей. Вот уж не думал, что ты на это способен. Дон Хуан пронзительно взглянул на меня, встал и посмотрел на Элихио, потом перевел взгляд на Лусио и с улыбкой сказал:

— Можно проявлять настойчивость только для того, чтобы проявить ее должным образом. И действовать с полной отдачей, заведомо зная, что твои действия бесполезны. Это — контролируемая глупость мага.

Конец ознакомительного отрывка книги.

[Скачать аудиокнигу](#)